

Часть 13. «Белые колготки»

Так уж устроен человек, что он ко многому привыкает. И, как ни странно, даже к войне. В Бендерах – тоже. И воюющие, и оставшиеся в городе жители. Привыкли... Привыкли жить умирая. Жить, убивая. И постепенно начали забывать, что можно жить иначе. Вдумайтесь – ведь это страшно!..

В первый же день пребывания в Бендерах не только Вадима, но и всю группу, как они признавались потом, это поразило. Привыкли все! Война стала буднями. Ложатся к пулемету, как будто к станку встают. В МТЛБ – как за рычаги трактора. Работать. Да, именно этим словом – «работать» – многое называли здесь. Идти в рейд или в разведку – «идем работать»... Сходили в ночной дозор – «работали ночью»... Начался обстрел – «минометы заработали»... Защелкали редкие выстрелы – «где-то снайпер работает»... Привыкли. И уже особо не думали, каковы же плоды этой «работы». И к убитым привыкли, и к раненым. Война стала будничной работой. Убийство – отштампованной деталью машины войны...

...Молодой бендерчанин Гена по прозвищу «Крокодил» – несколько развязный, но бесшабашной смелости казак, на свой лад напевавший под гитару *«Есть только миг между прошлым и будущим...»*, только головой повел, когда у вокзала рванула мина, и недалеко от него осколком зацепило товарища. Нет, не безразлично, но как-то совсем уж буднично. Устало ругнувшись в сторону «румын», спросил лишь: «Сам дойдешь?». И продолжал напевать.

...Женщина с улицы Пушкина, прислушиваясь к звукам очередного, ставшего чуть ли не традиционным, вечернего артобстрела, залихватски улыбнулась возвращавшимся с задания казакам:

- Сегодня еще ничего. А вот вчера они тут понатворили!.. – и, прикрикнув на детей, пошла загонять их в подвал. Это слово «понатворили», которым мы привыкли оценивать шалости детей, здесь означало несколько разрушенных и сгоревших квартир, около десятка убитых жителей. [*9]

Еще недавно оставшиеся в городе жители вздрагивали от неожиданно раздавшейся очереди. Сразу же бросались в укрытие. Но вскоре устали бояться. И вот уже фронтовая привычка, так сказать, «не кланяться каждой отдельной пуле», стала частью характера многих из них. Привыкли.

Да, ко многому привыкли в этом городе. Вечерние обстрелы для многих стали хотя и досадной, но привычной деталью обстановки. Привыкли к тому, что в половине восьмого вечера часа на полтора-два обстрелы и перестрелки в основном прекращались – невероятно, но и те и другие спешили ...к телеэкранам – посмотреть очередную часть сериала «Богатые тоже плачут»!.. Даже шутка такая родилась: показывали бы это «мыло» круглосуточно – война бы тут же и закончилась. А бендерские мальчишки в это время привыкли пополнять свои коллекции «трофеев». Потом обменивались друг с другом на своей «толкучке», как филателисты или собиратели значков, найденными на улицах разнокалиберными гильзами, снарядами осколками причудливой формы и «хвостами» – стабилизаторами разорвавшихся мин...

Люди привыкли, что каждый день на газонах и у обочины дорог, в скверах и во дворах появляются свежие холмики земли с воткнутыми в них крестами из штакетника...

А.Цыкун. «За что нас убивают?». «День шестой», 4 июля 1992 года.

«...Человек, чья могила сейчас на улице Котовского у обочины возле «десятки», не был убит в ходе нынешних боев. Он умер от старости и болезней в свои восемьдесят два года. Он уже не мог защищать город. Но в 44-м он Бендеры освобождал. Запомним его имя. Это ветеран войны и труда Емельянов Сергей Дмитриевич. Наша некогда великая и могучая, а ныне загубленная святотатцами Родина наградила его за храбрость и верность Отечеству многими орденами и медалями. А нынешние «радетели народа» «наградил» его самым подлым образом – правом покоиться на обочине дороги. Да простит нас Сергей Дмитриевич, что мы сумели дойти до такой жизни...»

...Всё из-за того, что хоронить на кладбище нет возможности. Район занят ОПОНОм, дорожки погоста заминированы, малолюдные похоронные процессии обстреливали еще на подходе – такого не позволяли себе даже фашисты пятидесятилетней давности! – то пулеметная очередь прошьет, то прозвучит подлый выстрел снайпера.

Снайперы... Вот к ним привыкнуть – невозможно! Они стали настоящим бедствием для города. Притаившийся в густой листве или на крыше многоэтажки стрелок вселял ужас неизмеримо больший, чем не знающий пощады батальон ОПОНа.

Снайпер в Бендерах – кто он? Человек или нечеловек – исчадие ада? Всякого из них так называли. И одуревшего от националистической «мамалыги» фанатика-волонтера с «Калашником» в руках и расчетливого «профессионала» – члена олимпийской сборной СССР по пулевой стрельбе, хладнокровно нажимающего спусковой крючок своей спортивной «ТОЗ»овки... Выстрел – и эхом отзывается в его кармане еще одна звонкая монета. По какому тарифу, сколько платили снайперу? Об этом в Бендерах ходило много расхожих версий, но то, что им платили, и платили хорошо – факт!

Выстрел снайпера мог прозвучать в любой миг, в любом районе города, с «румынской» стороны или даже в тылу. Его пуля не щадила никого – ни гвардейца или казака на позициях, ни пацаненка, выскочившего на улицу, ни женщину, в своей квартире подошедшую к окну, ни старушку, склонившуюся над грядкой. А сколько было расстрелянных ими машин «скорой помощи»! Снайперы не ретировались, как их коллеги-войки, в панике побросавшие бронемашину. У этих иная «работа» – террор. Цель одна – побольше истребить непокорных бендерчан, вставших на сторону Приднестровья, залить тротуары их кровью. И расчет прост: посеять панику среди населения, вселив страх, заставить людей бросить все и бежать. Из города, за пределы республики, куда глаза глядят.

Свою смертоносную «работу» в Бендерах снайперы начали 19 июня еще до вхождения в город бронированных колонн молдавской военщины. Засев на высотных домах – с крыш и из окон квартир девятиэтажек, как по взмаху палочки дирижера – «сразу и все!» – начали обстреливать посты гвардии, наряды милиции, идущих с работы домой горожан, играющих во дворах детей... Так было заранее спланировано в, казалось бы, безупречно отлаженном механизме вторжения.

...Страх висел в воздухе. Страх и смерть – от снайперов.

Еще в Тирасполе, в штабе ЧКВ перед отправкой в Бендеры, усть-илимские казаки услышали от прибывших в помощь с других участков фронта о снайперах, досаждавших им еще с начала морозного и ветреного марта.

- ...Жарко было – снайпера не давали прохладиться. Но тогда латышские спортсменки лишь тренировались на нас... – рассказывали казаки из-под Рыбницы.

Не поняли, причем тут латышские спортсменки. Объяснили, что довелось им как-то услышать переговоры по радиации на латышском языке. Волну засекли. Местный житель, давно осевший здесь старик-латыш, после подтвердил, что разговоры ведутся не о дамских нарядах, а на предмет охоты ... на людей.

В этом было что-то противоестественное: девушки, молодые женщины, будущие, а может уже и матери, в которых самой природой заложена ненависть к убийству!.. Сейчас уже не выяснить, кто снайперам-женщинам, этим «феям смерти», первым приклеил ярлык – **«Белые колготки»**, и откуда это название... Говорят, из-за ранее обтягивающих их белых трико – большинство-то, мол, было из биатлонисток.

Ксения Мяло, «На западном рубеже», www.proza.ru.

«...Тем временем [в мае 1992 г.] под Дубоссарами активизировалась работа снайперов: тогда здесь впервые заговорили о «белых колготках» из Прибалтики, что в Москве было поднято на смех – и редакция «Нового времени» даже вычеркнула соответствующий эпизод из моей статьи «Весна цвета хаки». России нужно было дождаться войны в Чечне, чтобы убедиться в правоте приднестровцев».

Снайперы буквально наводнили Бендеры. Это была одна из активных составляющих операции «Троянский конь». Замысел этой фазы, проводимой в строгой секретности и по приказу молдавского руководства, заключалась в том, чтоб под прикрытием и при содействии румынских и молдавских представителей четырехсторонней комиссии военных наблюдателей в городе постепенно сосредоточить переодетых в гражданскую одежду полицейских, сотрудников МНБ и членов диверсионно-террористических групп. К середине июня, прибывшие ещё 21 апреля из Румынии молдаване, обучавшиеся там на курсах снайперов, и специалисты ДРГ, под видом родственников осели на квартирах у активистов НФМ, их снабдили безупречными документами, подготовили «лёжки», средства связи. Ждали «час икс». К тому времени, досконально изучив кварталы города, снайперы знали уже все лазейки и пути отхода. Часто, обнаруженные, они уходили без проблем...

А.С. Боговид, историк, писатель.

*«...В Бендерах резкое увеличение притока «туристов» из Прибалтики, которые, как показали дальнейшие события, были снайперами и военными инструкторами националистических организаций, пришлось на конец мая – начало июня 1992 года». [*3].*

В первые же дни они нанесли огромный урон жителям, защитникам города, бойцам, прорвавшим блокаду. Потери были сравнительно **большие**, чем в открытом бою. Это угнетало, заставляло пребывать в постоянном напряжении. Ворвавшиеся 20 июня в город гвардейцы и казаки, «вычисляя», стали отстреливать и отлавливать снайперов. Но с трудом.

- Вчера утром, перед тем, как вы прибыли, мы с задания возвращались, - рассказывал прибывшим землякам нижеудинский казак Валера Филиппов, - были в районе крепости. Стрельба только стихла. Видим, у моста творится невообразимое столпотворение. Из города шел непрерывный поток – люди покидали Бендеры, шли в Тирасполь. Это была большая людская лента, конца и края которой не было видно. Люди шли и бежали, уповая лишь на случай – а в это время были слышны одиночные выстрелы. Снайперы огонь вели. Откуда – непонятно. Но стреляли-то эти суки по беженцам! Возле последнего дома, перед поворотом на мост, лежали убитые пожилая женщина и мужчина, чуть подалее под деревом – старик, женщина и мальчик лет двенадцати. Они так и не добрались до спасительного левого берега... Гвардейцы сказали, что стреляют откуда-то с девятиэтажек. Из укрытия стали всматриваться, и все же засекали одного! Он стрелял с восьмого этажа через сливное отверстие, что внизу балкона. Вместе с гвардейцами перебежками, прикрываясь кустами и листвой деревьев, бросились туда. Поднялись на этаж, но видимо, пока стреляли в замок да ломали дверь в квартиру, он, бросив оружие, успел «слизнуть» через соседей по балконной пожарной лестнице. На полу валялась СВД и россыпь стреляных гильз... Но уже вечером почти в центре города другого мы все же взяли. Было тихо, и вдруг с крыши дома, что у книжного магазина, раздались редкие сухие щелчки выстрелов. Теперь, наученные горьким опытом, ребята блокировали дом, взяв на мушку подъезды, двор, улицу. Поднялись на крышу. У вентиляционной трубы спиной к нам на коленях сидел мужик, одетый «по-гражданке». Метров десять до него было. Видимо, услышав какой-то шум, обернулся, увидел нас и тут же что-то сбросил с крыши. Держа его на мушке, подошли. Не дожидаясь вопросов, - а мы даже рта еще не успели открыть! - он начал кричать, что он не снайпер. Какой ты, черт, «не снайпер», если вокруг свежие гильзы валяются! Глянули вниз – на земле СКС лежит. Разбираться не стали. Спросили только: «Ты уронил? Иди подними...», - и отправили его вслед за карабином ...кратчайшим путём. С этими никто не церемонится – на месте, по законам военного времени... Потом узнали, что в тот день, чтоб хоть немного очистить от снайперов центр города, из Тирасполя в помощь прислали двух спортсменов-пулевиков - они из своих винтовок быстро «сняли» еще нескольких... [*1].

Валерка рассказывал об этом сразу же после того, как услышали сообщение приднестровского радио, что вчера – 24 июня, в Бендерах задержали наемную «спортсменку» – снайпера из Литвы, на кровавом счету которой было 33 жертвы. Зарубки на прикладе она делала ...пилочкой для ногтей.

А. Крылов. «Сучка» (из цикла «Днестр – окровавленный берег»). *www. art of war.*

«...Допрошенная сообщила в общем-то то, что в Приднестровье уже было давно практически всем известно. На стороне Молдовы она воюет, как и многие её сограждане, не только за «зелёные», но и по неким «идейным соображениям»: против русских и интересов России в Молдавии. Среди наёмников из стран Балтии – в основном женщины. Их отдельное диверсионное спецподразделение стало известно под названием «Белые колготки». Состоят в нём главным образом спортсменки-биатлонистки из Прибалтики. В отряде человек пятьдесят. Но есть, однако, девушки и из других мест. Даже русские бабы-москвички... Платят им всем хорошо. В «свободно конвертируемой валюте» - обычно в долларах США, реже – в немецких марках. Не в ходу румынские леи и, разумеется, рубли. Снайперы «работают» по всему, что движется. Оплата – за голову. Иногда на одном удачном выстреле можно заработать сразу от 400 до 700 и даже 1000 баксов. Это если повезет убить казака или офицера. За результатами «работы» внимательно наблюдают «корректировщики» - инструкторы из румынского спецназа и «Секуритате» - спецслужбы национальной безопасности Молдовы, которые ведут учёт всех «квалифицированных» попаданий. Но промаха почти никогда не бывает – все девушки – профессионалки высокого класса.

Дома, в предместье Риги, у Илзы – так звали пленную, - трёхкомнатная квартира, где она живет с мамой и двумя маленькими детьми. Денег хотела накопить, чтобы уехать в США, а может Германию или Голландию, где у неё по линии отца живет дядя и родственники, покинувшие Латвию ещё в годы Второй мировой войны вместе с отступающими частями вермахта и айзсаргов из Латвийского легиона СС. По условиям контракта, если она погибнет, семья также получит кругленькую сумму в качестве компенсации...»

...Продолжив тему, парни усть-илимской группы, поведали «Филиппку» и о своем «свежем приключении».

- Сегодня около полудня у меня срочный вызов в штаб был. Недалеко гвардейца тяжело ранило – сквозное пулевое. Видимо снайпер, - начал рассказывать Лекарев. - Со мной Саша Ивахно пошел. Когда уже обратно возвращались, а шли задворками со стороны мебельной фабрики, но чуть-чуть до «базы» не дошли, как рядом с головой – т-ь-юк! Пуля ударила в плиту бетонного заборчика. Присели «Может шальная?» Только шевельнулись - рядом в землю еще одна впилась. Упали. Поняли – снайпер. За нами охотится. И, примерно, откуда он бьет, поняли. Нам ни вперед нельзя, ни назад. Мы, видимо, были у него как на ладони. Только тот заборчик и укрывал нас. Я свистнул нашим парням – мы же рядом были, метров тридцать не дошли. Ребята смотрят из окна, смеются: «Чего улеглись?» Мы в ответ: «Накрыли нас. Снайпер». Они не верят: «Какой снайпер?» Тогда я свою фуражку вешаю на ствол автомата и чуть-чуть выдвигаю её из-за забора у самой земли. Выстрел. Лежащая на земле как раз под фуражкой консервная банка подскочила, загремела по камушкам...

- ...Тут-то мы быстро уже всё поняли, - рассказ Лекарева перехватил Михайлов. - Я прикинул, откуда снайпер мог стрелять. Ребята кричат Славке с Саней: «Лежите, сейчас прикроем!» А у меня в это время на связи Влад с вокзала был. Я ему быстро сказал, что рядом с ним, где-то в пятиэтажке за памятником-паровозом, снайпер сидит, помощи с огнем, он наших парней прижал. Мы из окон в ту сторону очередями в шесть стволов, а с вокзала вообще был какой-то шквал огня! Ну, а парни – рывком вперед и уже «дома»!

Б. Белокопытов, «За секунды до бессмертия», г. Тирасполь, 2004 г.

«...Науке убивать снайперы обучены по полной программе. Среди них есть и зарубежные. Приехали в Молдову на заработки. Оплата труда – от «выработки». Больше убил – больше получишь. ... А экипировочка снайпера – как в лучших войсках Европы. Нет только компьютера. У казаков всего этого не было. Снайперская винтовка – вообще мечта.

Когда казаки заняли район вокзала, ОПОНовцы закрепились в товарной конторе, на товарном дворе, в двухэтажном здании турбазы. Точно установлено, что их снайперы пробирались в дома, стоявшие вдоль улицы Федорова параллельно железнодорожным путям, и

оттуда, с девяти-, семи-, пяти- и двухэтажек, обстреливали защитников ПМР и мирных жителей».

Ещё в свой первый день в Бендерах, уже вечером, усть-илимские казаки узнали, что из разведки не вернулись два казак – погибли от пуль снайпера. Об обстоятельствах их гибели через несколько дней рассказал Саша «Одессит» - Александр Вознюк.

Казакам тогда была поставлена задача занять позиции вдоль улицы Первомайской неподалеку от кинотеатра «Дружба». Близ того района жилой массив контролировала полусотня Владимира Бенещука. Позиции ограничивались: с тыла – ул. Лазо, на которой находилось кафе «Тигина» - штаб сотни, или по военному ПКП – полевой командный пункт, там же кухня-столовая – ПХД – пункт хозяйственного довольствия, и пункт боепитания; с фронта – улицей Комсомольской; слева – улицей Дзержинского, напрямую ведущую к горотделу полиции; справа – улицей Академика Федорова (бывшей Вокзальной), выходящей из привокзальной площади, и идущей вдоль железнодорожных путей. Этот жилмассив пересекали ещё две параллельные улицы – Ленина и Московская, начинающиеся с ул. Федорова. Командный пункт Бенещука и командира 5-го взвода Жени Кремлёва находился в здании кинотеатра им. Горького, что на ул. Ленина.

Войсковой старшина В.И. Рябинский после контузии Войскового атамана В.Г. Бондарчука и гибели атаманов Дриглова С.М. и Сороколетова Ю.Ю. принял на себя командование ЧКВ. В тот день Владимир Иванович был в Бендерах, на позициях в районе вокзала. Посылать «вслепую» казачьи подразделения в район «Дружбы» было бы преступлением – решил произвести разведку.

Задание предстояло опасное, но добровольцев было достаточно. Рябинский помнил слова Дриглова сказанные ещё там, «на Кошнице»: *«Вакар в разведке надежен»*, - и твердо произнес: – В разведку пойдет Вакар.

С собой Виталий Вакар, 21-летний казак из Тирасполя, взял своего друга – тираспольчанина Гену Гусынкина, двух Саш – неразлучных друзей из Одессы – Хруща и Вознюка, и трех казаков из Бендер, хорошо знающих тот район.

К назначенному месту – до Первомайской – добрались без происшествий. Укрылись в опустевшем здании общежития, позже за стойкость его защитников названного бендерчанами «Домом Павлова». Осмотрелись оттуда – «румын» не видно, всё тихо. Надо идти дальше. Выходили, как всегда: по одному, с интервалом – чтоб не рисковать всей группой. Первым, выскользнув из окна и пригнувшись, через двор ринулся Саша Хрущ – одессит, балагур и весельчак, отважный парень, показавший свою удаль при штурме Бендерского моста.

Он отбежал от дома лишь на десяток шагов – выстрел. Парни видели, как вскрикнув и резко схватившись за живот, будто переломившись, Саня упал и застонал. Пытались вытащить его – бросили, найденную в доме веревку, но не смогли – Хрущ очень ослаб...

У снайперов есть такая тактика: ранив одного, он ждёт возле него появления очередной жертвы. Казаки знали это, но помочь раненому другу, вытащить его – надо! Из укрытия они по предполагаемым местам «лёжки» снайпера открыли огонь, под его прикрытием Вакар выпрыгнул в окно и подбежал к Сане. Снайпер послал пулю Витале в голову, а затем двумя выстрелами добил и Сашу Хруща, изуродовав ему лицо.

И тут подоспели ОПОНовцы. Под прикрытием бронетранспортёра они стали окружать дом. Разгорелся бой, но перевес сил и ситуация были явно не на стороне казаков, и они были вынуждены отойти, оставив двух погибших друзей...

На следующий день «Одессит» переоделся в спортивный костюм, отправился разыскивать павших, и ...исчез. Гена Гусынкин пошёл искать уже его. Лишь на третий день у исполкома он встретился с Вознюком, издёрганным и осунувшимся, приехавшем с телами убитых на тракторе «Харона» - бендерском «черном тюльпане».

Уже на вокзале, глуша душевную боль бутылкой бренди – парни понимали его – Саша рассказал, что два дня розысков привели его на окраину кладбища. В широком котловане, лишь чуть присыпанные землей, вповалку лежали люди – много людей! – мирные жители и защитники города. [*5].

...Вот они – стараниями «освободителей» без вести пропавшие! Ныне на этом месте установлен скорбный памятный знак.

С. Скрипник, полковник Вооруженных сил Республики Молдова. [www.artofwar.ru].

«...Под покровом ночи сюда грузовиками свозили трупы людей, среди которых было немало мирных жителей. Молва утверждала, что здесь прятали следы своих кровавых преступлений банды молдавских волонтеров-отморозков, грабивших Бендеры и приднестровский подполковник Костенко. В течение нескольких лет после описанных событий в этом приднестровском городе работала совместная следственная группа, укомплектованная криминалистами и прокурорскими работниками из Кишинева и Тирасполя, которая один за другим вскрывала чудовищные захоронения, идентифицировала человеческие останки. Всего было извлечено более трехсот тел. Всех, кого удалось опознать, передали родственникам для перезахоронения. Более ста так и неопознанных погибших погребли на Западном кладбище Тирасполя. В пронумерованных могилах лежат неизвестные жертвы той страшной и до сих пор непонятной войны на Днестре...».

...Несмотря на нестерпимый трупный запах разлагающихся тел, «Одессит» рыл землю руками и лишь по знакомым ему ярким кроссовкам Хруща опознал тело своего друга. Рядом отыскал и тело Вакара – помогла сохранившаяся на его поясе белая милицейская кобура. Пистолет, конечно, исчез. «Румыны»-мародеры сняли с Виталия и сапоги, часы, забрали его документы и записную книжку.

На улицах города «Одесситу» всё же удалось встретить «Харона». Погрузил тела друзей в кузовок его трактора, сказал по какой дороге их везти к исполкому, и где он сам подсядет – ехать на тракторе Саня опасался, и не зря. Никифор – «Харон» после рассказал ему, что по дороге его остановили ОПОНовцы, спрашивают: «Кого везёшь?» Тот ответил: «А вы у них самих спросите»...

...Лишь через неделю, 2 июля, родители Виталика узнали о гибели своего сына. Он похоронен в Тирасполе на Аллее Славы кладбища «Дальнее», Саша Хрущ – в родном городе Одессе. Виталий Вакар посмертно награжден медалью «Защитнику Приднестровья» и двумя крестами «За Веру, Волю и Отечество» - высшими боевыми наградами Союза казаков России. Один из них – II степени – снял со своей груди походный атаман Союза полковник В.В. Наумов и вручил родителям. [*5].

...Вернувшись в сотню на вокзал, Вознюк узнал, что накануне в их взводе погиб ещё один казак – Толя Барган. И тоже от пули снайпера. Это произошло 26 июня. Анатолию было 28 лет. Он жил в Тирасполе, работал на хлопчатобумажном комбинате. Необходимый и хороший специалист, его труд был востребован, поэтому он и не мог с весны уйти «на фронт». ...Да и жена была беременна. Сам молдаванин, Толя был убежден в необходимости защиты не только ПМР, но и всего молдавского народа от румынизации. Состоял в рабочем отряде содействия милиции, в резерве Народного ополчения, но это, чувствовал – не то... Бендерская трагедия только ускорила его решение встать в ряды защитников республики.

...В те тревожные дни приднестровцы телевизор, как и радио, не выключали. Вечером 20-го по тираспольскому телеканалу студии «АсКЭТ» он увидел молодого рыжего парня в «камуфляжке», «лифчике» и с автоматом в руках. Он рассказывает, какой нелёгкий бой они вели на мосту в течение нескольких часов, что «румыны» ведут плотный огонь, Бендеры горят, слышно, как там тоже идет бой, значит, хоть и в окружении, но наши держатся, и им нужна помощь... И в этих простых словах, и во взгляде бойца не было ничего тревожного, пугающего, а наоборот – уверенность, спокойствие. Он не жалуется, не ищет и не называет виновного, а просто убеждает, что мы выстоим, прорвем блокаду и освободим Бендеры – вот только бы патронов подбросили и «хавчика»...

Это был казак Сергей Корабельников – «Огонёк». Многие приднестровцы запомнили эту передачу. Увидел её и Толя Барган.

– Всё, больше я не могу сидеть сложа руки, - сказал он своей красавице Каролине, которую лишь две недели назад привёз из роддома с маленькой Кристиной. – Не плачь, я

вернусь, - пообещал он жене на прощание. Пришел в штаб ЧКВ, в тот же день поверстался в казаки, и взял в руки автомат. Упросил Притулу и Бенещука взять его с собой в Бендеры.

Уже на вокзале ему показали: вон тот пожилой казак из 1-го взвода, которого все здесь зовут «дядя Вася» - Василий Лаврентьевич Корабельников, отец «Огонька». А что Сергей погиб, Толя уже знал. С этого времени Барган был рядом с «дядей Васей». Он понимал душевную боль Корабельникова-старшего, готов был всегда прийти ему на помощь. В бою прикрывал, и старался всячески уберечь. И «дядя Вася», чувствуя поддержку парня, за эти дни привязался к Толе.

Ранним утром 26 июня у «Тигины» появились журналисты телекомпании «АсКЭТ» - смогли таки добраться... Давать им интервью Притула поручил уряднику Баргану. В здании вокзала, отдающим эхом, перед тележурналистами предстал подтянутый, статный, аккуратный казак с прической «домиком» черных, как смоль, волос и такими же черными широкими усами. Засученные рукава «камуфляжки», автомат – «на ремень», спокойный голос – Барган даже своим видом выражал, что, как говорят, всё под контролем. На вопрос об обстановке он четко и кратко ответил: *«С завода БМЗ позвонили ополченцы, попросили помощи, ибо им молдаване поставили ультиматум: или сдать оружие и покинуть территорию завода, или их уничтожат. Ребята позвонили сюда. Нас туда пошло семь человек. Отнесли им оружие, патроны. Потом, к вечеру, подошли ещё тридцать бендерских казаков. Ночью нас практически не трогали. По крайней мере, для этого завода ночь прошла, можно сказать, нормально».*

И уже вечером по телевизору жена Каролина увидела своего Толю – живой! Но... на следующий день ей сообщили, что вчера днём её муж погиб.

...Около полудня сотник Притула собрал командиров взводов и групп на «планёрку» для постановки боевого задания на день: разведке – выяснить обстановку в районе... группам дозора таких-то взводов – усилить наблюдение по направлениям... такой-то взвод – «работает» по поиску снайперов в кварталах по улицам... рацию – на частоту... позывные прежние, пароль на день – «Измаил», отзыв – «Очаков», на ночь – «Кубань» и «Тамань»... Вобщем, всё по-военному: чётко и без лишних слов.

Полтора десятка казаков 1-го взвода уходили с «дядей Васей» Корабельниковым для эвакуации тел Сережки «Огонька» и Олежки Халтурина. Была назначена и группа их прикрытия. Перед самым выходом подбежал Барган и сказал: – Дядя Вася, я с вами пойду. Договорился, меня заменят. – Он-то «по распределению» в этот день попал на поиск снайперов.

...Они уже спустились к Днестру, пошли по самому урезу воды. Помня об опасности, шли осторожно, укрываясь за дамбой. Вот и дом бакенщика – белый дом на высоком берегу, на стене которого «Огонёк» оставил след автоматной очереди, когда вел бой с ОПОНавцами. Где-то здесь, внизу под кручей, на кукурузном поле и должны лежать погибшие разведчики – не видно, нужно осмотреть поле.

Толя Барган предложил, нет – даже не предложил, а почти приказал: – Я схожу. У меня трико под «камуфляжкой». Если что, то сойду за «мирного», сыграю «своего» – я же молдаванин, и язык знаю. – Скинул форму, отдал автомат и пошел на другую сторону дамбы.

ОПОНовцы, казалось, только этого и ждали – со стороны гаражей на парней обрушился шквал автоматного огня. Толя как-то увернулся от очередей, успел перепрыгнуть обратно, казаки прижались к дамбе. «Засада?!» В тот же миг огонь резко усилился – в бой вступила группа прикрытия, а к очередям ОПОНовцев, что были у гаражей, добавились ещё и пулемёты из трехэтажного здания какого-то предприятия. Заметили, как перебежками стягиваются «румыны». Поняли, что те хотят отсечь группы друг от друга, и перерезать им путь отхода по берегу. Но пока группа прикрытия, связав боем, продолжала оттягивать «румын» на себя.

Все смотрели на «дядю Васю», как бы спрашивая глазами: «Что делать будем?». Василий Лаврентьевич сказал, как приказал: – Вот что: рисковать вами, сыны мои, я не хочу. Уходим.

Они отступали организованно, и отошли-то уже порядочно, как вдруг засвистели пули – «румыны», спустившись с кручи, преследовали их.

- Уходите, я прикрою! – крикнул «дядя Вася», и бросившись назад, залёг за бакеном. Барган и ещё два казака – следом за ним. Толя вполз в неглубокую канавку, остальные тоже

укрылись, как говорят, в складках местности, и – дружно ударили короткими очередями. Двое ОПОНовцев упали, это охладило пыл остальных – стали отползать. Бой, можно сказать, затих. «Дядя Вася» оглянулся – нормально: казаки отошли уже метров на триста. И тут издали, откуда-то с кручи щелкнул одиночный выстрел, – «Снайпер!» - и метнул взгляд в сторону канавки. ...Толя лежал в неестественной позе, из аккуратной дырочки в виске медленно стекала струйка крови. Для «дяди Васи» это было страшным ударом – силы оставили его, он потерял сознание... [*4, 5].

Казаки вынесли их. «Дядя Вася» оклемался, но несколько дней ходил замкнутым, осунулся – понять можно... Толю похоронили – вечная тебе память!

А.Николаенко, житель г. Бендеры. «Полны решимости». «Днестровская правда», 3 июля 1992 года, N150 (7837).

«...Высоким боевым духом отличаются защитники города. В их рядах есть и добровольцы из бывших союзных республик. Их немного, но уже одно их присутствие на позициях поднимает настроение. Один из добровольцев – московский студент С.Виноградов – в свое время прошел школу Афганистана и теперь по воле сердца приехал защищать город на Днестре от захватчиков. Сергею удалось уже обезвредить трех вражеских снайперов».

На снайперов, этих «охотников на людей», действовавших в Бендерах, гвардейцы, казаки, ополченцы и жители города развернули тоже самую настоящую охоту. Как на волков. Со всеми соответствующими атрибутами: выследить, обнаружить «лэжку», обложить «флажками», и уничтожить. Прямо в «норе», или, загнав на «номер»...

Уже на следующий день их «командировки» в Бендеры, усть-илимскую группу бросили в первую для них «облаву» на снайпера. Сбор – как аврал. Подняли чуть ли не всю сотню. Приказ был коротким, задача предельно ясна: дозорные обнаружили снайпера, он «работает» с группой прикрытия недалеко от вокзала, блокировать вот этот квартал, и чтоб ни одна сволочь – едри её душу! – не ушла!..

Действовали очень быстро. Основная группа стягивала кольцо вокруг участка, где был замечен снайпер, остальные блокировали квартал – растянулись вторым кольцом. Вот раздалась автоматные очереди – началось! Как ни выходили осторожней, но всё же нарвались казаки на заслон. Скоротечный бой стал затихать, унося слабый и редкий огонь в сторону: ага, значит, выбили прикрытие с позиции, преследуют... Но сильный огонь вспыхнул вновь. Очаг его только чуть в стороне. И тут автоматные очереди ударили с противоположной стороны – это уже ведут бой казаки, блокировавшие квартал. Огонь усилился – автоматы работали взахлёб! Это полицаи своим на выручку бросились. И напоролись! Бой резко закончился, когда «румыны» пустили в ход минометы... Не зря их называли здесь ещё и «успокоителями»...

В итоге операции: трое казаков получили незначительные ранения против пяти гарантированно убитых «румын», в их числе уничтоженный снайпер, и одного, что многих удивило, взятого в плен – молодой парень, совсем пацан... Но ещё больше поразило казаков, что снайпером была девушка. И не только это... Не успела она уйти со своей позиции – взяли ее в доме, откуда и вела огонь. Принесли её автомат с оптикой. Рассказали, что это была молодая, очень симпатичная чернявая дивчина. Сильно плакала – жалко было ей себя любимую, ведь сразу поняла, что её сейчас ждет... Но самое интересное рассказал о ней тот пленный. Прибыла она в Бендеры несколько дней назад. Поздно вечером возвращалась с «работы» в горотдел полиции. Звонила к себе домой маме с папой. Была общительной, весёлой. Студентка университета. Училась то ли в Днепропетровске, то ли в Днепродзержинске. Спортсменка-разрядница. А папа у неё какой-то полицейский чин в Кишиневе. Вот он, видимо, и устроил её на такую «подработку». Раньше студенты на время «третьего трудового семестра» уезжали в стройотряды, а сейчас...

«Расстрелянная республика», М. 2002 г. Виталий Украинский.

«Когда лечился у нас в лечгородке, мне представилась возможность побеседовать с женщиной снайпером, которую казаки захватили непосредственно в Бендерах. Да, ее лечили.

Только лечили ее от того, что местный житель, молдаванин по национальности, отрубил ей кисти рук. Это когда ее сняли с винтовкой. Казаки, кто ее снимал, понятно, снайперов в плен не берут, хотели ее расстрелять, но военные, которые прибыли к месту этих событий, не дали ее расстрелять, убить. А когда местный житель, взял и отрубил ей руки, там просто никто не мог ничего сделать. В принципе там местные жители ее разорвали бы просто. Так вот с этой женщиной я беседовал в лечгородке. Конечно, она забилась, ее наши же охраняли. Потому что ее там тоже бы разорвали. Она просто приехала заработать денег. У них был выход на позиции 25 долларов. Каждый убитый - 50 долларов...»

...Ранним утром Вадим, переговорив с пришедшим навестить их Владом, оставил его чаёвничать со Славкой, а сам сменил Бориса и заступил на пост наблюдателя. Удобно расположился у оконного простенка на третьем этаже, и стал не спеша сквозь тюлевую штору просматривать взглядом свой сектор. Вдруг боковым зрением уловил какое-то движение. Резко повернув голову, увидел лишь, как в густой листве большого раскидистого дерева - грецкого ореха, неуловимой тенью быстро исчезли ноги, подтянувшегося на ветвях человека - только светлая обувка мелькнула. До дерева, растущего в саду рядом стоящего частного дома, было метров семьдесят. В доме жили супруги-старички, у них-то уж явно нет такой прыти. Сомнений быть не могло, кто это.

- Сашки, сюда! – Вадим громко позвал стоявших в коридоре Ивахно и Шляхтурова. – Дерево видите? Снайпер... только что влез, - взволнованно сказал он враз подлетевшим к нему казакам, - Давай из того окна!.. Огонь!..

Почти одновременно по густой кроне ореха ударили из трех автоматов. Листва с дерева сыпалась как конфетти. На грохот очередей выскочили Борис, Иосиф и Виталий, сразу поняв, в чём дело: - Мы вниз!.. Возьмём его!

Магазин в АК-74 у Вадима вмиг опустел. Выхватил из «лифчика» другой. Лязгнул затвором. Вновь ударил очередью. «Фейерверк!!!» – такое сравнение мелькнуло в голове, когда увидел, как трассирующие пули – а один магазин он всегда держал заряженным именно такими! – чуть коснувшись листвы, как искры бенгальского огня, разлетались во все стороны!.. Чего-чего, а вот такого он никак не ожидал! Это было что-то невероятное!

- Влад! Скорее!!!

К удивлению многих, Смолин со своим облезло-забинтованным АКМом 1968 года выпуска обращался, проще говоря, если не как Бог, то, по крайней мере, как его первый зам по стрельбе. Его старичок АКМ, несмотря на возраст и богатую судьбу, до сих пор исправно стрелял, ужасно грохоча и сотрясаясь всем металлическим телом от выплескиваемой на врага свинцовой ярости. Подбежав и взглянув через плечо Вадима, Влад успел заметить этот «бенгальский огонь» и увиденным был поражен не меньше. Как русский выражает своё удивление и восхищение одновременно? – так и Влад: «Вот это шоу!», - и витиевато-вычурно высказался по-матушке. Воскликнув: «И в заключение нашего Марлезонского балета!..», - вскинул АКМ и врезал длинной очередью. Автомат его как взлютовал: грохотал, отхаркивая на пол звонкие гильзы, и дёргался так, будто пытался вырваться из рук. Опадающей листвы было мало – от удара его 7,62–миллиметровой «машинки «Зингер» с дерева стали сыпаться ...ветки и крупные сучья! Огонь прекратили, когда заметили подбежавших к саду казаков.

- Баста, карапузики, кончились танцы, – сказал Влад, как подвёл итог. И обернувшись к «Ляху»: – ...Вот тебе и всё отличие 7,62 от 5,45. Понял?

Минуты через две стало ясно, что снайпер всё же успел «слинять». Из окон увидели, как из-за орехового дерева, забросив автомат на плечо, вышел Туманов, посмотрел в сторону «базы» и, пожав плечами, развел руки... В самом деле, не «глюк» же был у Вадима!

А когда парни вернулись, то Борис, подойдя к Владу, хмуро сказал: - Дай руку, - и шлёпнул ему на ладонь заряженный магазин от АКМ. - Это тебе. Нечаянный подарок. От снайпера. Недалеко от ореха лежал, видать уронил, когда удирал...

С этого дня, как поняли несколько позже, у группы появился ещё один враг – «собственный» снайпер. Такого позорного «облома» он, видимо, не мог им простить – ну, прям как обидчиво-капризный пацан – мститель, мля! И принялся он с постоянной регулярностью

шмалять по их базе. Каждый день с разных сторон в её зашторенные тюлем окна с характерным присвистом стали залетать 7,62 – поклёванные стёкла и внутренние стены, на полу стали находить сплюсненные от рикошетов пули...

Нельзя сказать, что от этого всего парни впали в тихую панику, но на душе было довольно-таки мерзко. По коридору и в комнатах прошмыгивали мимо окон как можно скорей, да и наружу выглядывать стали уже с большой опаской – страшно!.. Когда же выходили на улицу, то только не в одиночку, и оцетинившись стволами, передвигались с интервалом в несколько метров, каждую секунду ожидая щелчка выстрела или короткой очереди, вертели головами чуть ли не на 360 градусов, зондируя пространство ушами так, что они, казалось, шевелились. Жуткое состояние, к такому невозможно ни притерпеться, ни привыкнуть. И никак этого профи-убийца засечь не могли! Злость буквально душила!..

Ох, и какими только пытками и мучениями громогласно не грозил этому снайперу Гриня «Махно», попадись тот ему в руки – маркиз де Сад, если бы услышал, то в своём гробу от зависти слезами захлебнулся!..

- Сейчас, знаете ли, братцы, наша смерть не в иголке с яйцами, утками да зайцами – она тут где-то рядышком со старенькой косой калибра 7,62 за нами охотится, - философски, в своей обычной манере заметил Лекарев.

...И однажды подловил он их – парни чуть было не влипли. У себя же в тылу, да на голом месте! Позиция у снайпера была – весь район, как на ладони, да и «база» группы – вот она... Он, видимо, «вычислил» все стёжки-дорожки, по которым ходили «его» казаки. Но там везде были укрытия. А тут... Большая асфальтированная площадка метров пятьдесят на семьдесят посреди широкой улицы, а до канавы или кустов – попробуй, добеги!.. Да и кто подумает, что «работать» снайпер будет не только и не просто с тыла, а ещё и рядом со штабом сотни! Дерзости не занимать. Как поняли потом, другие ему были не нужны. Лишним выстрелом не хотел «светиться» – он ждал «своих»...

В этот день парни решили сходить на обед в «Тигину». На кухне чего-нибудь горячего поесть – несколько дней уж на куцем сухом пайке сидели – осточертело, во как! Первыми из отдыхающих после «ночной смены» на обед пошли трое. Вышли через разбаррикадованную дверь запасного выхода, которой стали пользоваться недавно – так безопасней. Прошли проулком, кроясь за плитами бетонного забора, на улицу вынырнули сквозь зелень сада частного подворья. Первым шёл Лекарев, за ним с интервалом в 5-7 метров шагали Михайлов и Брагинович.

...Он и сам не мог бы объяснить из-за чего, почему и что это, но Вадим вдруг ощутил тревогу, чувство какой-то опасности. Близкой опасности. Но чего тревожиться? Вон рядышком на площадке стоит БТР «7Б. Атаманская сотня», люки его открыты, около него, покуривая, балагурят три казака. Из-за БТРа выглядывает РАФик «скорой помощи» со снятым капотом, где водителю ковыряться в движке помогает какой-то «атаманец». На ступеньке распахнутой двери «скорой» сидит врач в белом халате. Стреляют где-то уж очень далеко. Но чувство тревоги не проходило. Оно даже давило. Давило откуда-то слева. Слева и сверху. Но слева через дорогу – мебельная фабрика – на ней ведь наши! Сердце вдруг вспухло и гулко забилося – это заполз страх. На ходу, просмотрев взглядом постройки фабрики, Вадим пальцем снял с предохранителя свой АК-74, поставив его на автоматический огонь. И тут, как будто толкнуло, будто кто подсказал: на башню смотри! Над фабрикой и ближайшей округой возвышалась кирпичная водонапорная башня с маленькими окошками-бойницами под самой крышей. ...Начал бить мелкий мандраж. Не отрывая взора от башни, совершенно автоматически, Вадим приподнял ствол автомата висевшего на уровне поясного ремня – ему было так удобнее, он привык стрелять «от пуза», как в кино эсэсовцы из «шмайссера» – так свободы действий автоматом – в любую сторону! – было больше... Мельком он посмотрел на «Лекаря»: Славка шёл, поглядывая направо – коллегу всё же увидел в «скорой помощи», вот и отвлёкся... Автомат он держал – эх!.. – по-уставному: за ремень через плечо, стволом вверх, как на марше...

И тут, – будто в спину кто толкнул! – Вадим резко шагнул вперёд, будто сделал широкий выпад, в ту же секунду нажав на спусковой крючок – чередующиеся в магазине «трассеры» жёлтыми осами ринулись к башне. Что-то заметил? Почувствовал? Он этого не знал. И сам

понять не мог. Это всё за секунду, как с башни ударила короткая очередь – три-четыре выстрела!.. Лишь услышал, как просвистевшие за его спиной пули злобно взвизгнули об асфальт.

Лекарев в тот же миг в три скачка достиг спасительного укрытия – стоящей у кустов на обочине дороги металлической урны – и, сорвав с плеча автомат, плюхнулся за неё прямо под ноги подлетевшего следом Михайлова.

Посмотреть со стороны, так прыжок «ласточкой с разворотом» над Славкой, с одновременно выпущенной в полёте очередью «трассеров», вонзающихся в окна башни, Вадимом были исполнены на уровне виртуоза... *«В тот день я в цепочке шел первым, - уже дома, давая интервью журналисту местной телекомпании, вспоминал о том случае Лекарев, - когда по нам ударила очередь. До кустов мне оставалось совсем ничего – я прыгнул туда. Пока направлял на башню автомат, слышу надо мной шорох листвы, длинная очередь, и на меня сверху ворох гильз. Это он, прыгнув, надо мной, уже в полёте начал стрелять!..»* Синяки и царапины после приземления – не в счёт. Так же как и перепачкавшая их полужасохшая черная лужа «мазуты» – отработанного машинного масла, невесть когда и каким негодяем тут выплеснутого. Но, как говорят на войне: «Лучше умыться грязью, чем кровью»...

Вадим резко перекатился с голого газона за дерево, и пока менял магазин, Лекарев прикрывал огнём, прицельно посылая в окошки водонапорной башни очередь за очередью. Но тут Михайлов, взглянув в сторону, невольно аж матюгнулся – Иосифу деваться было некуда, и он вел огонь, распластавшись на асфальте прямо посреди площадки.

Казачи-атаманцы, до этого беспечно стоявшие у «скорой помощи», уже успели нырнуть в люк своего бронетранспортёра. Его башня резко крутанулась, подняв ствол пулемёта – крупнокалиберный шквал огня оставил под крышей башни зависшее облако рыжей пыли. А со стороны штаба к фабрике, неистово стреляя, уже бежали казаки...

«...На руках возмут ты, да не когда преткнеши о камень ногу твою. На аспиде и василиска наступивши, и поперек льва и змия...»

«Что это было – предчувствие, или, просто случайность? – Уже после размышлял Михайлов. – Верую – нет. Бог есть! Потому что это мог сделать только Он!» Вадим слышал как-то от друзей, что в Афгане часто были случаи, когда люди могли вдруг почувствовать смерть – свою и чужую. Потому, что война – это не только зона боевых действий и линия противостояния, а пограничная зона между страной живых и страной мёртвых. Быть может. «У Господа нет ничего случайного». А кто-то сказал более понятно: «Случай – это язык Бога»...

Минут через пятнадцать к штабу подошли, вернувшиеся с фабрики казаки.

- ...Ушёл, сволочь. Успел. Бросил всё... Вон трофеи... - кивнули на своего парня, нёсшего в руках десантный АКМС и небольшой термос. - Ни один час, видать, на этой «лёжке» провёл. Кофе пил. Там ещё обёртка из-под печенья и куча «бычков». До-о-ро-гу-ущие сигареты курит, гад... - цокнув языком и покачивая головой, не без зависти протянул один. - «Данхилл»!..

После этого случая казаки всерьёз заговорили о везучести Вадима, мол, «фартовый», о его удивительном чувстве опасности... и, что у него, мол, Ангел-хранитель за плечами. На что Славка в своей манере, с доброй иронией, не применул заметить:

- Интересно, сколько ж раз Он тебя так спасал? Судя по тому, как ты взлетел надо мной, крылья у Него уже очень натренированы...

«Вычислить» и уничтожить снайпера – целая наука. Это очень сложно. Тем более, если это профессионал. Снайпер с большой буквы. Были такие. Спортсмены-стрелки или прошедшие спецподготовку военные - настоящие асы своего дела. Иногда они «работали» с напарником. Который и наблюдатель, как «второй номер», и сам же снайпер. Заодно и прикрывали друг друга. Были и снайперы-одиночки - «свободные охотники». Это тоже «профи». Фанатики – волонтёры – это уже не снайперы, а просто стрелки. Из-за их маниакального стремления взбираться на чердаки и крыши высотных домов, и оттуда стрелять, их называли «карлсонами». Стрелять-то умеют, а вот чисто профессиональных знаний и навыков в этом деле маловато, зато злобы и хитрости – хоть отбавляй. От них тоже очень сильно

доставалось. Некоторые из них выходили «на охоту» только под прикрытием – с одним-двумя бойцами охраны...

И всю эту «науку» усть-илимской группе, как и всей сотне, тоже пришлось осваивать. Так сказать, по ходу дела. Узнавали методы «работы» снайперов, кварталы района и характерные места, откуда и как те могли бы вести огонь. Знакомились и с местными жителями. Из источника информации, называемом в народе «ОБС» – «Одна Бабка Сказала» – казаки черпали очень много информации. От жителей, оставшихся в городе – только они в первую очередь были заинтересованы в скорейшем очищении города от этой «заразы». И помощь их была бесценна!

И. Днестрянский. «Рождённые в Р.С.С.С.» WWW. ArtOfWar. RU.

«...В этом доме, удалённом от места главных боёв, осталась часть жильцов, оберегать свои квартиры и имущество. И у них там, впервые за десятилетия пропаганды коллективизма, возникли всеобщие братство и солидарность. Жильцы выломали перегородки в пожарных ходах, чтобы следить за пустыми соседскими квартирами, и, не спускаясь вниз, переходить из подъезда в подъезд. Если с северной стороны дома стреляют - уходят на южную. Стреляют с юга - наоборот. Всем, что есть, делятся друг с другом Реальная школа коммунизма! Была бы возможность, я бы очень рекомендовал жирным парторгам и пропагандистам на это посмотреть. Чтобы поняли, в каких условиях возникает коммунизм, и в чём его рациональное зерно. А то разожравшиеся хари вроде Гайдара-младшего стали воображать, что их деды были дураками. Сытый и в безопасности голодного да под пулями - не понимает».

...Долгие часы, иной раз пока мрак не начинал приобретать четко-геометрические очертания, сжатой пружиной притаившись в укрытии, растворясь в окружающем опаленном пейзаже, превратившись одновременно в «Зоркого Сокола» и «Большое Ухо», придерживаясь одной-единственной заповеди – (прости, Господи!) одиннадцатой: «Не светись!», приходилось им вести наблюдение за предполагаемым участком действия снайпера. *«Раньше не понимал, как можно вглядываться до боли в глазах. Можно – так, что глазные яблоки ломит от боли, - уже после войны рассказывал Вадим. – И слушаешь не только ушами, но, казалось, каждой клеточкой кожи».* Семь потов сойдёт, но не только от жары – от дикого стресса, и отомрет пара миллиончиков нервных клеток – из-за мучительного ожидания. Это не просто, даже чисто физически: от напряжения немеет шея, устают плечи, затекают ноги, а через какое-то время начинает нудить поясница. И часто без курева – никак нельзя! И теплая вода в пластиковой баклажке от жажды не спасала, а лишь увлажняла язык. Редкие разговоры – шуршащий шепот, на пределе слышимости. И так же радиостанция другого «флажка», разряжая молчание, через определенное время глухо выдавало короткое: «У нас чисто».

Но ведь и снайпер в этих кирпично-бетонных «джунглях» не сидел на одном месте – один-два выстрела и меняет «лёжку». Иначе, знает: опасно, могут и «вычислить». Ведь сила снайпера в его невидимости, но как он только перестаёт быть невидимкой, то этот «ангел смерти» сразу превращается в обычного стрелка, к тому же часто вооруженного длинной неудобной винтовкой...

В Бендерах почти во всех формированиях защитников Приднестровья в первые же дни были созданы небольшие мобильные специализированные группы истребителей снайперов. В южных районах и на участках ближе к центру города действовали антиснайперы гвардии, батальонов «Днестр» и «Дельта». Одну из групп «истребителей» сформировали и в ЧКВ. Она действовала в районе: ул. Лазо (вокзал) – ул. Первомайская, ул. Федорова – ул. Кирова. Но, бывало, выходили и за «железку». В общем, «работали» там, где в зоне ответственности ЧКВ требовалась «срочная хирургическая помощь». Группу эту возглавлял член правления ЧКВ хорунжий Валерий Гуравский. Тонкому «искусству» уничтожения снайперов их обучал специалист, профессионал своего дела – российский спецназовец, майор. Звали его Алексей, фамилии не знали. Он приехал в отпуск к родителям в Приднестровье, а тут грянуло в Бендерах... Не мог он сидеть дома – долг велел: пришел к казакам, предложил свою помощь. Свои знания и опыт он передавал не только истребителям снайперов – сформировал и придал в

подчинение Гуравскому группы захвата и охраны (блокирования), обучил их. Обучил истребителей и тому, как «раскалывать» взятого живым снайпера. Пару раз такие допросы «с пристрастием» казакам удались – «карлсоны», как говорится, за милую душу да с потрохами «сдавали» своих коллег. Ну, а потом их, сами понимаете – по законам военного времени, как наёмников... [*4, 5].

Алексей и сам побывал почти на всех позициях сотни, «прошупал» все «тонкие» места обороны, определил вероятные места «лёжек» снайперов, и определил как их оттуда «выковырять». Познакомился практически со всеми взводами и группами сотни, вёл антиснайперско-направленные беседы-инструктажи, из этих же бесед с казаками и для себя узнавал много интересного, и, проанализировав, включал эти нюансы в очередной инструктаж разведгрупп и дозорных-наблюдателей...

День за днём и к усть-илимским казакам стал приходиться опыт истребителей – обстоятельства вынуждали. Помогал в этом и Алексей, и хлопцы Валеры Гуравского. В общем, сами не заметили, как и их группа в сотне тоже стала считаться «специализированной» – антиснайперской. И по привычке, согласно позывному, некоторые казаки стали именовать её «группой «Филин».

Конечно, о её высокой результативности в «работе», тем более о профессиональном уровне, говорить никак нельзя. Но, обучаясь и часто ошибаясь, они делали все, что было в их силах. Очень сильно переживали каждый свой прокол, прекрасно понимая, что снайпер, перехитривший их сегодня – не обнаруженный или упущенный, уже завтра будет хитрее, осторожнее, и соответственно – опаснее. Парням не хотелось даже вспоминать, а не то что рассказывать о своих «обломах». Ведь обидно, когда вся группа после многих и многих часов возвращалась на «базу» ни с чем, раздраженная и злая. На себя же!.. Всякое было. Неудачи, вообще-то, тоже полезны. Как там у Наполеона? – «*всё удаётся лишь тому, кто умеет ждать*»... Нервное напряжение и постоянный недосып выматывали до предела.

Самым же результативным истребителем снайперов считался «Иван Иванович» - якут, казак Якутского казачьего полка, он же – снайпер сотни – «охотник-одиночка». Его коронная «фишка» – «охота» в тылу врага. Была у него древняя верная подруга – «трёхлинейка», к тому же – личная. Ох, и чудеса они вытворяли на пару!.. Хоть и была его «подруга» без «стёклышек» - оптического прицела.

- Здорово ночевал, «Иван Иванович»? Как дела? – приветствуя, спрашивали казаки, увидев его поутру, идущим «на кормёжку».

- Слава Богу... Однако, сегодня два есть – шибко мало, - самокритично подводил якут итог своей «охоты» за прошедшие сутки. И так – изо дня в день!.. «Цена «румыну» – одна пуля», - говорил он. Каким-то необъяснимым, видимо, данным ему самой природой, чутьём охотника, он знал, где надо подловить врага, как волк знает, откуда выскочит заяц.

«Иван Иванович» же пришел на помощь и нашим соседям слева – гвардейцам батальона Ю. Костенко, обучал их этому «ремеслу»...

И. Днестрянский. «Рожденные в Р.С.С.С.». WWW. ArtOfWar. RU.

«В ответ и у нас создали группу охотников за этой сволочью. Главный спец - эвенк или якут, - ей Богу, не вру! Умопомрачительный старикан, говорят, чуть ли не с Таймыра! Как его сюда черти занесли, не спрашивал, но маскируется и стреляет офигенно! Пришил пяток «карлсонов», и нам сразу полегчало! А ещё шутит и поёт: «Чурка-палка два конца, с чердака упал румын, - эта песня про второй, он ещё не долетел!» Сейчас он наших учит...»

Но и снайперы тоже изучали порядок боевой службы казаков и использовали каждый промах, каждую ошибку защитников города. А избежать ошибок при малом опыте ведения боевых действий в условиях города, при самом щадящем режиме поведения по отношению к оставшейся там части населения, при недостатке младших, профессионально подготовленных, офицеров, при том, что у некоторой части имеющих командиров взводов, групп и отделений военная подготовка и требовательность к подчиненным желала быть... При этом, как следствие - размытость единоначалия, «самостийность» и несогласованность действий, при... Впрочем,

при многих «при» – избежать ошибок было практически невозможно. Могла ли компенсировать эти ошибки личная храбрость? ... Ведь цена ошибки – чья-то жизнь.

Пожалуй, самыми горькими днями стали первые два дня июля, когда от пуль снайперов погибли семь казаков сотни.

В ночь на 1 июля командир десятки Щукин, как его звали, Саня, вместе с Максимом Коршуновым ушли в разведку. Задание: после сегодняшнего боя, когда казаки были вытеснены с части занимаемых ими позиций, выявить расположение противника в квартале между улицами Дзержинского, Академика Федорова, Комсомольской и Московской. Потому, как опрос малочисленных, оставшихся там, местных жителей не давал четкой картины. Война в городе ведь как: вроде заняли район, а на следующий день из какого-то «нашего» дома вдруг начинают бить ОПОНовцы. Людей-то маловато, все подъезды в домах не перекроешь – они и просачивались... Взаимодействие с соседями слева – гвардейцами, по первости было слабое. Вот первое время и воевали, так сказать, наскоками «легкой кавалерии»...

К тому времени ситуация, чувствовали, сложилась довольно таки аховая... А полная неясность угрожала не только потерей других позиций, но и расправой ОПОНовцев с жильцами квартала, с которыми у казаков сложились очень даже хорошие отношения.

...Ночь была тихой, тёплой, ласковой. Парни без приключений дошли до улицы Комсомольской, одним махом перескочили её. Где-то слева оцетинился стволами всех калибров и видов оружия городской отдел полиции – в Бендерах главная база ОПОНа. Шли осторожно. Внезапно из щелей амбразур, оборудованных в окнах детского сада и турбазы, разведчики попали под перекрестный огонь – заметили их таки!.. Укрылись: Саня недалеко в канаве, Максим же успел за угол дома. Прижали их: и ни туда, и ни сюда!.. Вобщем, попали. Под огнём Щукин всё же смог бросить гранаты Ф-1 в окна детсада, одну за другой. Но в темноте он не видел, что перед окнами стоит раскатанная сетка-рабица – гранаты отскочили и разорвались на тротуаре.

- Макс, прикрой, оттяни на себя огоньком! – крикнул Саня, а сам перекатом – из канавы, и ужом к стене детсада. Дополз, прижался к стене, в секунды просунул в бойницу руку с зажатой «эФкой» без чеки, раскрыл ладонь и присел. Взрыв...

Другой пулеметчик потерял их из виду – стрельба прекратилась. Но чтоб уйти, пройти-то надо мимо турбазы! Выдвинувшись, казаки услышали голоса, выходявших из её двора, ОПОНовцев. Отстреливаясь, побежали в сторону консервного завода. Но и тут, когда пересекали улицу, недалеко от кафе «Осенние листья», по ним из дворов тоже открыли огонь: слева, справа и сзади. Зажали! Значит, «румыны» повсюду, вокруг всего квартала!

- Отходи, я прикрою! – приказал Щукин Коршунову.

Но Максим не мог это выполнить – он «поймал» пули в обе руки и в плечо, ещё одна пуля перебила ему ногу. Слабея, он сполз во вскрытую кабельную траншею во дворе. Саня прыгнул следом, устроившись на краю её, как на бруствере. Когда стрельба стихла – ОПОНовцы потеряли их из виду, чем мог, помог Максиму: перетянул ногу жгутом, перевязал, подбодрил его. И опять на «бруствер».

Максим услышал, как в тишине глухо щелкнул одиночный выстрел. Оглянувшись на Саню – понял, что помочь ему уже ничем не сможет: тот неподвижно лежал лицом вниз, несколько раз всхлипнул и затих... «Снайпер! «Красный глаз!», - так называли прицел ночного видения. Собравшись с духом и силами, Коршунов пополз к своим...

На помощь, услышав перестрелку, уже спешили казаки. Но натолкнулись на сильный огонь ОПОНовцев, и не смогли эвакуировать тело Сани. Максима казаки нашли, он и рассказал всё. Лишь ранним утром, перехваченный на улице трактор-«черный тюльпан» доставил погибшего разведчика. Казаки увидели, что даже мертвого, ОПОНовцы били его прикладами...

1-го же июля, во второй его половине, в районе кафе «Осенние листья», около дома №2 по улице Московской нес службу казак Валерий Безносюк. Место очень беспокойное, но пока было тихо. Неожиданно со стороны кафе раздались выстрелы и крик. Безносюк, прижимаясь к стене пятиэтажки с пристроенным к ней кафе, пошел на крик. Выглянув из-за угла, увидел, что недалеко от торца дома лежат, судя по форме-хаки, два гвардейца или ополченца. Один из них не двигается, другой же тяжело ранен. Безносюк наверняка знал, что приближаться к раненому

без обработки вероятных огневых точек противника нельзя. Но всё же... Казак-наблюдатель в соседнем доме, не успев крикнуть, услышал одиночный выстрел, увидел, как сделав шаг, Валерий упал замертво.

Буквально через пять минут на грузовике прибыли казаки 4-го и 5-го взводов. Их по тревоге поднял командир полусотни Володя Бенещук, оповещенный о случившемся наблюдателем. Согласно боевого расчета, казаки бросились на прочёску участка. У машины остался один казак – Саша Киселев. Возможно, была допущена ошибка, что он остался один, но исправить её уже нельзя. Когда вернулись из поиска – без результата! – около машины с пулевым ранением в грудь умирал Киселёв...

Александр Щукин, сын потомственного донского казака, ветерана Великой Отечественной – *«хлопец хоч куды казак»*, – вместе с отцом в первый же день встал в ряды возрожденного Черноморского войска. *«Отец, ты своё дело сделал. Сейчас защищать вас буду я»*, – заявил он твердо родителям. Бесстрашным был казаком, командиром десятки комендантского взвода, научился ловко управлять ракетами «Алазань», «на Кошнице» его даже прозвали «начальником артиллерии». Вернулся оттуда домой на отдых 25 июня: *«Здравствуйте, я живой!»*. Но уже на следующий день его группа вступила в бой, защищая Бендерский машиностроительный завод. Было ему 36...

Валерию Безносюку было 41 год, тираспольчанин, растил сына и дочь. С мая 92-го воевал «на Кошнице»...

Александр Киселев родился в 1960 году, жил в Тирасполе, воспитывал двух дочек, с марта 92-го – в рядах ЧКВ. *«А ведь и сюда могут прийти румыны. Что тогда будет с девочками? Тогда их уже не защитит...»*, – обосновал он своё решение дома. Вместе со многими другими штурмовал Бендерский мост... [*4, 5].

Похоронены казаки в Тирасполе на Аллее славы кладбища «Дальнее». Посмертно награждены крестом «За оборону Приднестровья» и медалью «Защитнику Приднестровья».

Недолго ОПОНовцам пришлось ждать расплаты. Имея точные разведанные, вечером на следующий день молниеносной атакой казаки в течение часа «вычистили» их из квартала.

...А с этим парнем иркутские казаки познакомились дня два назад, 30 июня, у штаба. Тогда в их сотню с приказом *«...поименованным казакам: ...убить в район боевых действий – г. Бендеры»*, из-под Кошницы прибыли десятка полтора «обстрелянных» казаков – очень весомая помощь!

К тому же, кроме боеприпасов, привезли с собой и изрядное количество так необходимого здесь «сухпайка», упакованного в несколько больших коробок из-под телевизоров. Жители Тирасполя по призыву Женского забастовочного комитета Приднестровья каждый день несли в штаб ЧКВ продукты – для защитников Бендер; представляли, как им там приходится...

Так вот, пока ждали «потерявшегося» где-то на вокзале командира сотни, разговорились. Ребят, конечно, интересовало всё: что тут да как... Оно и понятно: бои в городе и позиционные в окопах – «две большие разницы». Ну и, само собой, познакомились. Этот казак сразу обратил на себя внимание. Статный, черноволосый, с небольшой недавно отпущенной бородкой, живые глаза, общительный, речь «чистая», парень с юморком – вобщем, как говорят: по таким девчата сохнут. И в разговоре вопросы задавал «правильные», со знанием дела – чувствовался большой боевой опыт. После ещё несколько раз встречались с ним, подружились, как это бывает на войне, быстро.

Зовут Юра, 30 лет, до войны работал в кооперативе, заочно учился на историка в Тираспольском госуниверситете, с марта уезжал на «вахты» под Кошницу. Дома остались жена и годовалый Максимка. Отец – врач, молдаванин, мать – медсестра, потомственная донская казачка. Когда сказал свою фамилию – Титика, то Вадим сразу же вспомнил, что ещё там, в далёком детстве, в Челябинске, был у него друг, сосед по дому и школьной парте, тоже молдаванин, и с такой же фамилией – мол, уж не родственник ли?..

Юра влился в состав 2-го взвода, которому была поставлена боевая задача: не допустить проникновения «румын» в город по железнодорожным путям с юго-западного направления. Кроме дозоров, выставления засад – «секретов», вылазок и постановки на дальних подступах «сюрпризов» для ОПОНовцев, в системе охраны и обороны участка было и патрулирование.

Днем и ночью казаки досматривали вагоны и железнодорожные сооружения от вокзала до виадука – пешеходного моста над путями – так называемого Протягайловского моста, который являлся как бы продолжением улицы Комсомольской (у пятиэтажки, где размещалось кафе «Осенние листья») и другим концом спускался к локомотивному депо. Когда казаки заняли район вокзала, ОПОНовцы контролировали Комсомольскую, их группы (по 8-10 человек) засели в кафе «Осенние листья», ставшем вскоре печально известным, в одноэтажном здании товарной конторы, на товарном грузовом дворе, в двухэтажном здании турбазы у моста. Там же стояли их миномёты. В предрассветной тишине передовые посты казаков иногда да слышали характерный перестук колес – по железной дороге из Кишинева и Новых Анен «румыны» получали подкрепление людьми, оружием, боеприпасами, продовольствием.

Кстати, в один из первых дней на «базу» илимских казаков пришел «хозяин» - начальник станции Бендеры-1. Из приемной и кабинета, которые Михайлов занял под свой НП и «спальню», он забрал личные вещи, печати, какие-то бумаги, бланки... И уже на крыльце, прощаясь, показал Вадиму на белеющие вдаль за протягайловским мостом цистерны, те, что стояли на первом пути.

- ...Они из-под сжиженного газа. Мы тогда не смогли их отогнать подальше. Вообще-то они пустые. Кроме одной – ближней к вам. Той, которую видим. Она только наполовину... Будьте осторожны. Но, если что - сами знаете...

Это, как с ужасом понял Вадим, по эквиваленту если и не ядерная бомба, то, по крайней мере, очень близко к тому! Что самое интересное – у самой ОПОНовской «передовой»! И уж если рванёт!.. Но ведь заодно и полквартала снесёт! ...Вместе с мостом и вагонами на путях! ... Жаль, конечно.

Через час полученную информацию Михайлов довёл на «планёрке» в штабе сотни – у командиров взводов шок! В конце дня к Вадиму на «базу» пришел командир 2-го взвода Игорь Рудашко с казаками – уточнить. Они готовились сделать ночью вылазку – проверить информацию. Среди них был и Юра Титика. Утром узнали: проверили – всё подтвердилось. После этого гранатомётчики знали, куда целиться, если при широкомасштабном наступлении «румын» положение наших станет очень уж угрожающим...

Несмотря на предпринимаемые меры по «закупориванию дыр», как «теми», так и «нашими», казаки всё же делали вылазки за «передовую», и ОПОНовцы тоже, хоть иногда, но просачивались по «железке» и меж домов. Но что уж «румыны» делали регулярно, так это издали обстреливали казачьи патрули и на путях, и ...езде. В эти дни завёлся на той стороне какой-то «блуждающий» крупнокалиберный пулемёт – бил то оттуда, то отсюда, и никак его немогли засечь и «загасить». И снайперы – один «заработал» по-вдоль перрона, другой стал «беспокоить» из района депо, и ещё какой-то – с Комсомольской, уже перекрёстно...

В тот день, 2 июля, Юра встретил Михайлова рано утром у «Тигины», уже позавтракав на кухне кафе.

- Ты как, Вадим, не забыл принести?.. – спросил он после приветствия. Вадим не забыл о его просьбе – протянул ему фотоплёнку в зелёной коробочке с надписью «Свема».

Узнав, что Михайлов привёз с собой фотоаппарат, Юра накануне позвонил с

*«Как страшно хоронить своих детей.
Неправду говорят, что время лечит.
Мне с каждым днём не легче, а больней.
И горе наше с каждым днём сильней,
И маму бедную утешить нечем.
Что ты убит, не верится никак.
И все мои слова – пустые бредни.
И в памяти домашний наш очаг,
Где сделал ты свой первый шаг...
Теперь тебя уносят в путь последний.
Немыслимо – настал последний час,
А был ты жизнерадостным, весёлым,
Великим утешением для нас...
Вот мальчиком идёшь ты в первый класс,
Вот юношей уже кончаешь школу.
Но не прикажешь прошлому: «Вернись!».
Что боль стихает, никому не верьте.
А без тебя зачем нам эта жизнь?
И я взываю: «Время! Оборвись!
За полчаса, за пять минут до смерти».
Пришла пора, страшнее нет разлук.
А сердце словно хочет оборваться,
А впереди ещё так много мук,
И каждый скрип в ночи звучит, как стук...
Настанет утро, и за что нам братья?»*

вокзала и спросил: не будет ли у него лишней плёнки – «фотик» в их взводе есть, а вот плёнку уже давно отщелкали – парням хотелось бы «сфотаться».

- ...Я на денёк домой к своим съезжу, сегодня вечером. Приеду – верну. Вам больше ничего не надо из Тирасполя?.. – спросил он. - ...Ну, тогда – бывай! – пожал Вадиму на прощание руку, и заспешил с казаками своего взвода в расположение.

Часа через три, после «традиционного» минометного обстрела привокзального района, Михайлова по какой-то надобности в штаб срочно вызвал Притула. На пару с собой – иначе нельзя: мало ли что!.. – Вадим взял Сашу Ивахно. Они подошли к «Тигине» и увидели во дворике на асфальте, ...усыпанный розами, лежит ...Юра Титика!!!

«Юрка?!.. Как?!.. Когда?!.. Почему?! Юрка!!!» - со страшной силой увиденное долбануло по сознанию Вадима, он опустился перед ним на колени, слёзы сами по себе покатались по щекам...

А. Бендерский. «Там, где жили самые гордые русские». WWW. ArtOfWar. RU.

«...Слёзы, слёзы. Не прячьте их, парни. Ни одна слеза мужчины не остаётся в забвении. Мы помним. Всю свою жизнь будем помнить наше боевое братство и друзей, над которыми они были пролиты. Наверное, в обычной жизни так не должно быть, наверное. Там мы всё время слышим: «Настоящие мужчины не плачут». Наверное??? Но разве в этой «обычной» жизни есть что-то настоящее?»

Я знаю, что мужчины плачут, ещё как плачут. Я видел много таких слёз. И были они там, где всё было по настоящему. Там где никто не играет, где нельзя приспособиться. Там невозможно приспособливаться и играть.

Так плачут мужчины или нет? Плачут! Это те слёзы, с которых начинается память. Это зарубки на сердце. И они разделяют людей на живых, и на тех, кого помним!»

...Аллея Славы приняла ещё одного героя. Младший урядник Юрий Титика посмертно награжден крестом Союза казаков России «За оборону Приднестровья» и медалью Правительства ПМР «Защитнику Приднестровья». Неутешно горе его родителей. Переживания укоротили жизнь и отцу Юры, подорвали здоровье матери.

Что произошло, и как Юра погиб, казаки, кто видел, рассказали после. Об этом, годы спустя, поведал в своих воспоминаниях и «замок» 2-го взвода Гена Щербак.

Г. Щербак. «Сквозь вой свинцовый», г. Тирасполь, 2004 г.

«...В ту ночь на 2 июля в отведенное их десятке для отдыха время Юра так и не уснул – находился в полудреме, часто вставал. Лишь на рассвете, может, и прикимарил чуток. Что-то его мучило, какая-то досада. Может то, что только за вчерашний день из-за снайпера мы потеряли троих - казаки только и говорили об этом.

Утром я слышал, как Юра сказал: «Сегодня пойду в пятиэтажку, попрошу прикрытия и помогу казакам (4-го и 5-го взводов) обезвредить это осиное гнездо. Я ведь снайпер». Мы знали, что он служил срочную во внутренних войсках, и был научен снайперскому делу.

Куда ни глянь – дом без тебя пустой.

И прошлое, и время невозвратно.

Хоть тихо плачь, хоть серым волком вой,

Хоть рядом ляг и бейся головой,

Никто оттуда не придёт обратно.

Я не могу, живём как в страшном сне,

В котором нет возможности проснуться,

И светлым днём мерещишься ты мне,

И темной ночью боль сильнее вдвойне.

И с кладбища мне лучше не вернуться.

Осталась обездоленной семья

И мама, почерневшая от горя.

Останутся и небо и земля,

Не будет только лишь тебя,

Надежды нашей, бережной опоры.

А ты погиб, прости, что я живу,

Живой с твоей могилы возвращаюсь,

Что я живу, покуда наяву,

И что-то ем, ногами мну траву.

Ты слышишь, Юрик! Я тебя зову:

«Прощай, сынок» - никак не распрощаюсь...»

Ольга Федоровна Титика, мать Юры.

г. Тирасполь, 1994 г.

...Проснулся он поздно. Вовсю пекло солнце. Но на завтрак успел со всеми. Был весел, шутил. Потом стал разыскивать взводного командира, побывал во всех уголках расположения взвода.

Потом... Часов около одиннадцати я увидел его в спину, идущего под стенами домов по ул. Федорова. Юрий рисковал. Улица упиралась в ворота двора, откуда, как заметили, накануне бил крупнокалиберный пулемёт. А может, он хотел спровоцировать ОПОНовцев на огонь, чтобы засечь их огневую точку. Он знал, что в пятиэтажках казаки полусотни Бенещука наверняка ведут наблюдение и, как только пулемёт раскроет себя, ликвидируют его сосредоточенным огнем.

Юрий дошел до ул. Московской, решил пойти по ней, пересек ул. Федорова и оказался на углу дома №2, в том самом месте, где накануне погиб казак А. Киселев. Он продвигался вдоль пятиэтажки, дошел до прохода во двор, к которому примыкало одноэтажное строение профтехучилища. С большой вероятностью можно предположить, что Юрий решил пройти во двор и найти там казаков 4-го или 5-го взводов, но скрыться в проходе не успел...

Пуля снайпера сразила его. Она прошла через плечо наискось к сердцу. Стреляли сверху: или из этой же пятиэтажки №2, или из двухэтажки по ул. Федорова. Пару дней назад в этом дворе он вынес раненую женщину в безопасное место, оказал её помощь в перевязке раны.

...Сегодня машина с казаками уже не остановилась у дома Юрия».

...Утром казаки 2-го взвода вернулись из ночных засад и дозоров. На завтрак в «Тигину» не пошли – устали, поэтому перебились чайком и «сухпаем». Часов в 10 начался миномётный обстрел – несколько казаков взвода получили легкие ранения и контузии, был контужен и их замкомвзвода Гена Щербак – отлёживался. А где-то через час взвод облетела весть о гибели Юры Титика. Братья Виктор и Александр Скребниковы – его боевые друзья, с которыми он прошел «Крым и Рим», и Кошницкие позиции, вспыхнули гневом и мстостью.

Через несколько минут, взяв оружие, они по путям пошли в сторону протягайловского моста. Говорили, дозор заметил, что где-то оттуда, из-за моста около депо, утром «работали» минометные расчеты ОПОНа. С ними пошел и Юрий Погребной.

Командиры и боевые друзья однозначно говорили, что Погребной – ему уже за 40 – не был ни агрессивным, ни мстительным, ни азартным человеком. Был опрятным, аккуратным, подтянутым, всегда сдержанным, рассудительным, очень корректным, никогда не сквернословил. Бывший офицер милиции, будучи добрым и несколько доверчивым, за несколько лет работы «опером» в Бендерском ГОВД он так и не смог «вписаться» в эту «систему» - ушёл, и работал в строительном кооперативе. В марте, когда грянули бои под Дубоссарами, он сказал своим родным: «Дело миром не обойдётся, всё равно надо идти...», - и пришел в штаб ЧКВ. «На Кошнице» «пулял» из автомата, только тогда, когда требовала обстановка. Когда тишина позволяла перекрикиваться с противником, он предлагал «той стороне» стрельбу в воздух. Был как-то и участником переговоров на «нейтралке» - ратовал за то, чтобы как можно меньше стрелять, не сиротить детей ни с одной, ни с другой стороны. Казаки, посмеиваясь, его даже «миротворцем» хотели прозвать.

Виктору Скребникову только что на днях исполнилось 34. Закончил институт, в звании «прапорщик» служил в Советской Армии, уволился при её развале, после чего работал начальником автобазы «Интуриста». Воспитывал сына и дочь. Его младшему брату Александру было 25, до войны работал на «Электромаше». Братья были очень дружны и неразлучны. Вместе в марте 1992-го поверстались в казаки, вместе воевали «на Кошнице»...

...Погребной пошел со Скребниковыми, как хорошо знакомый с тем районом и, возможно, зная горячность братьев, чтоб уберечь их от опрометчивых действий.

Шли меж вагонов – так они были укрыты от пуль снайпера, что был где-то у моста. Но здесь никто не мог их предупредить о другой опасности: о том, что в локомотивном депо уже находятся ОПОНовцы. Они проникли туда под утро, и малочисленный заслон ополченцев после короткого боя отошел. Если бы казаки сразу перешли «железку» и пошли около зданий промпредприятий, стоящих вдоль железной дороги, то их бы предупредили об этом гвардейцы и ополченцы. Но они пересекли пути, уже поравнявшись с восточной стороной депо, и пошли

вдоль него по шоссе. Им никто не встретился, но шли, понятно, они осторожно. Дошли до западной стороны, куда спускается пешеходный мост, огляделись – всё, вроде бы, спокойно. Из-за стучавших где-то поодаль «крупняка» и хора автоматов, они не слышали, заметившего их и кричавшего вслед, ополченца...

Как только казаки вышли из-за угла здания, раздался выстрел. С пробитой снайперской пулей головой упал Александр. К нему бросился старший брат Виктор. Вторая пуля сразила и его. В те же секунды Погребной кинулся на землю и открыл огонь по слуховому окну на чердаке двухэтажного здания – каким-то инстинктом он понял, что снайпер именно там. ...«Сбив прицел» снайперу, Юра мигом переметнулся за угол здания. Выглянул, и опять хлестанул длинной очередью по окну. Но, видимо, в тот момент, когда целился – естественно, правым глазом – левую сторону головы пришлось выдвинуть из-за угла. ...И, уже смертельно раненый очередью, снайпер всё же успел сделать выстрел – Юрий был ранен в голову – пуля

*«Им жить бы, смеяться да травы топтать.
Забилась подранком в истерике мать...
Сквозь грохот разрывов и шальные пули
Два брата в Бендерах в бессмертье шагнули»...*

А. Диммерт.

«Памяти братьев Скребниковых».

прошла по левому виску. Он вскрикнул, стал оседать. На помощь уже спешили ополченцы. Но, встреченные плотным огнем ОПОНовцев, залегли, лишь ответив очередями. Они видели двух парней, лежащих друг на друге у угла, и сидящего с окровавленной головой под стеной здания, ещё живого,

пытающегося приподняться... ОПОНовцы под прикрытием огня захватили раненого, и для чего-то, наверное, со звериной злобы на казаков, полоснув очередью по бездыханным телам братьев, отошли, не приняв навязанного ополченцами боя. Лишь тогда удалось вытащить братьев Скребниковых с места их трагической гибели. ...О чём сразу же сообщили своим братьям по оружию – казакам. Рассказали и о третьем, которого видели, взятом ОПОНовцами в плен раненым...

Изувеченное тело Юрия Погребного полицаи выдали на следующий день в обмен на своих, «покрошенных» казаками и ополченцами на железнодорожных путях около автобазы. ... Его, тяжелораненого, вначале пытали – это было видно, а потом расстреляли.

Бойцы «бендерского батальона» гвардии, уже через пару дней выбив ОПОНовцев и плотно блокировав тот район, больше к депо их не пустили, а после, когда его заняли ополченцы, то с чердака двухэтажного здания столовой вытащили тело погибшего снайпера в полицейской форме. Об этом рассказали уже рабочие депо... [*5].

Блюстителю «конституционного порядка» получили своё – вскоре метким выстрелом из гранатомёта «загасили» и тот «блуждающий «крупняк», и с территории турбазы и грузового двора вместе со своими миномётами ОПОНовцы были выбиты, а разведчиками десятки Володи Мясины уничтожены их группы в товарной конторе и в кафе «Осенние листья».

Казаки Атаманской сотни ЧКВ, которой командовал хорунжий Александр Горбунов, захватили здание городского Молодежного центра, и оказались на острие огня – горотдел полиции был ближе, чем свои подразделения сзади. Методичные минометные и пулеметные обстрелы, «по графику» и без всяких причин – постоянно. Оно и понятно: ОПОНовцы никак не хотели мириться с потерей такой важной для них, теперь ставшей весьма опасной, позицией. Напротив Молодежного центра, занятый «румынами», роддом, а дальше – всего в каких-то 120 метрах ГОП – «осиное гнездо» ОПОНа. Казаки – а в Атаманской сотне, кстати, было много «афганцев» – не оставались в долгу и в накладе у «румын»: то разрушат из гранатомётов укрытия, то их граната вообще в окно ГОПа «заглянет», то сожгут удачно пойманный на приманку БТР. Но и сами оказались на особом положении. Румынские снайперы держали парней в постоянном напряжении – их «база» и позиции на перекрёстках улиц Дзержинского-Ленина и Пушкина-Ленина простреливались постоянно...

Казаки выполнили приказ командования – с боями оттеснив противника, вышли на указанный рубеж обороны, и полностью стали контролировать жилые кварталы. В обороняемом районе, насколько было можно, была организована система наблюдения и оповещения, патрулирование и охрана подъездов домов. Подозрительные объекты периодически

проверялись, но, как говорилось, в щадящем режиме – чтобы исключить беспокойство и большие неудобства для оставшихся местных жителей. А вот «румыны» их не щадили...

Н.Столяров, генерал-майор авиации, зам. министра обороны России.

*«...Стрелять по людям, находящимся на линии военного противостояния, ещё как-то объяснимо. Но вести прицельный, именно прицельный огонь по мирным жителям – это преступление. ...Я подчеркиваю, что говорю это, как человек, как гражданин, видевший всё происходящее своими глазами». [*2].*

...Почти на неделю Михайлов фактически «выбыл из строя». Можно сказать, маялся бездельем, на пару со «Шляхом» став дежурным по «базе»: наблюдателем, «котловым», на связи сидел, батареи для радиостанций заряжал – занимался вроде бы мелкими, но всё же необходимыми делами боевого обеспечения «работы» группы. Группой руководил Будунов. Парни, меняя друг друга, ходили в дозор, а Вадим под надзором Славки приходил в себя, восстанавливал силы и здоровье. По «базе» передвигался с трудом. Очень болела голова. А побитые ноги ныли, как застуженный зуб. Как только жив остался – и сам, и другие понять не могли...

Под мины группа – пятеро их тогда было – попала в каком-то дворе на Дзержинского недалеко от улицы Московской, когда с «работы» уже выходили «домой». Огонь минометов на них явно кто-то навел. Или засевший в каком-то доме разведчик-корректировщик, либо по телефону кто-то из жителей. Были и такие, чего тут скрывать...

Л. Леонов. «Русичи при Днестре». «Советская Россия», 2 сентября 2000 г.

«Супруги Сергей (русский) и Света (украинка) в Бендерах корректировали огонь артиллерии. Как только молдавские войска вошли в город, Сергей позвонил в полицию и предложил свои услуги. Из их квартиры на девятом этаже хорошо просматривался мост через Днестр. После войны (корректировщиков приднестровцы взяли с личным, но не расстреляли, что тех крайне удивило) Сергунчик и Светочка два месяца добивались у Молдовы признать их участниками боевых действий. Они заявляли, что материальная компенсация их волнует во вторую очередь – они не бедные. Нет, они хотели получить моральное удовлетворение...»

...Мина шлёпнулась неожиданно, позади их, даже не предупредив своим противным воем. В предутренней тишине взрыв был – как гром среди ясного дня. Где шли, там и залегли. Затихли. Больше ни взрыва, ни выстрела. Броском вперед – скорей из двора! Вдруг сзади опять грохнули взрывы – мины поочередно легли точно туда, где только что лежали!.. Вскочили живой прежнего. Бежали – нет, рвали! – оттуда изо всех сил, как те румыны под Сталинградом, надеясь по звуку угадать, куда шарахнет очередная... Плоские разрывы, хлопая и визжа, казалось, вот-вот догонят их. С деревьев, как конфетти, шурша сыпалась листва, звенели стекла, с жутким свистом рикошета от бетонных стен домов отлетали рваные ошметки металла. Михайлов бежал чуть впереди. Пронзительно и яростно в его мозгу неистово билась молитва: **«Господи, помилуй, спаси и сохрани!..»** И только он завернул за угол дома, как впереди – взрыв!..

Кому парни потом ни рассказывали об этом – мало кто верил. Мина грохнула перед ним метрах в пяти-шести... Вадим говорил, что в доли секунды: резкая яркая и маленькая вспышка, тут же резью бахнувшая по ушам, сильнейшей болью вдруг хлестнуло по ногам, и, будто шпалой, ударив по корпусу тугой горячей волной, запрокинуло и отбросило назад, плашмя брякнув на асфальт, и головой!.. Сознание затуманилось, всё закружилось, в глазах часто меркло, окружающее стало восприниматься как-то урывками, изображение нечеткое, плывёт в такт толчкам крови.

Казаки ползком быстро затащили его за шиворот обратно за угол в крайний подъезд – «румыны» перенесли огонь, и мины уже ложились аккурат бы на их пути, – и увидели, что Вадим уже «поплыл», от боли и очумелости. Ведь когда рядом разрывается заряд, человек

попросту попадает в прострацию, даже если это и не контузия – он оглушен, ошарашен, и в это время сам не свой...

Вадиму казалось, голова – что звенящая трансформаторная будка, и её буквально разрывало с каждым ударом сердца. Навалилась неимоверная слабость, тело стало каким-то вялым, но чувствовал, как каждой клеточкой ныла отбитая спина, и со страшной силой нестерпимо саднили голяшки. Разом взмок холодным потом, а губы почему-то тут же потрескались, и во рту пересохло. Хотел было глотнуть воздуха, но глоток не получился. Вместо этого подкралась тошнота. И, видимо, он сильно побледнел, потому как парни потом говорили, что видок был ещё тот – в гроб краше кладут...

- Михалыч ...слышишь? Ранен?.. – сквозь красный шум в ушах он услышал чей-то голос. Каждое слово, будто эхо, в то же время болью выворачивающее мозг...

- Н-нет... вроде, - пытаюсь отогнать подступающую тошноту и качание пространства, и сделав безуспешную попытку приподняться, болезненно охнул Вадим. И тут же чуть не взвыл от ослепляющей боли – Славкина команда «Лежи!..» циркуляркой резанула по мозгам, разорвавшись в голове сотнями искр, аж слёзы вышибло. - Голова вот только... и ноги... – и закашлялся, в кашле сплёвывая кровь, вдруг обильно пошедшую носом.

Лекарев приподнял ему штанины. Увидев, присвистнул – обе голени были избиты – иссиня-багрового цвета, в буграх и шишках... Крови было мало – царапины, ссадины, немного стесало кожу... Берцовые кости камушками от асфальта сильно побило, поняли. И изумились.

- Это ничего. Небольшая контузия. И лёгкое сотрясение – головой долбанулся. ...Глубокой гематомы нет. Так что ничего, пройдёт, жить будешь. Полечу тебя немножко, и дальше будем воевать, – сказал «Лекарь», придерживая побелевшего и вдруг ослабевшего Михайлова, когда его прекратило рвать. И тут же, смачно ругнувшись, резко, вновь взорвав сознание Вадима, приказал ему: - Дыши глубже, сказал тебе! На меня смотри! ...И глаза не закрывай! На, глотни чуток водички...

Обстрел быстро закончился. Когда уходили, то парни, придерживавшие Вадима, оглянулись на угол и просто обалдели – кусты у дома были срезаны чуть ли не под корень, а стена от взрыва той мины была густо выщерблена, но – только справа и слева. А по центру – как будто кто перед Вадимом те осколки развёл в стороны!.. Сделав такое открытие, Вадим и сам, несмотря на боль, был ошарашен не меньше. Но и после не подал даже вида, чтоб докопаться до причин уже второго чудесного спасения. Понял, что ему на это знание Им Самим наложен запрет. «...Что – проводя через испытания и страдания, Он учит меня? Чему – мудрости? Какой? В понимании ценности этой жизни при близости возможной смерти?.. Спасибо Тебе, Господи!».

«...Не придет к тебе зло, и рана не приблизится телеси твоему. Яко Ангелом Своим заповесть о тебе, сохранили тя во всех путех твоих...»

Ранением он это не посчитал – даже и не думал. Так, лёгкая контузия – ерунда, пройдёт. Раз так, то и она не в счет. А пораненные камушками ноги залечил прихваченным из дома – как знал! – народным средством, которому химики дали название «борнилацетат». Это, как в молоке сливки – самый «цымус» пихтового масла. Уже проверили: ссадины, царапины, ожоги заживлялись, как на собаке.

О другой, почти подобной, контузии – довольно-таки изрядно долбануло избыточным давлением, когда выстрелил из своего же РПГ-7 через окно маленькой комнатки станционного архива, вообще ни вспоминать, ни говорить не хотел – говорил: сам, дурак, виноват. ...И ещё чуть пожар не устроил – от пламени из казенной части гранатомёта загорелись бухгалтерские папки на стеллаже. Успокаивало одно: видать, хоть не зря – из-за развороченного его гранатой угла вагона пожарного поезда – жалко, конечно, тот вагон!.. – парни принесли окровавленную серую милицейско-полицейскую кепку и обломок автоматного приклада...

Но «бездельем» в те дни маялся не он один. В Бендерах стало тише и «работы» было мало. Говорили, что вновь какие-то комиссии то ли работают уже, то ли ожидают их... Когда же, наконец, эта бойня закончится? Скорей бы уж!.. Конечно, постреливали ещё, и миномётные обстрелы были, но уже так, остратки ради, да «чтоб служба мёдом не казалась». Снайперов это

не касалось – эти «работали» в своём привычном режиме. Но всё же стало поспокойнее. Даже ночью стало тихо. Непривычно и пугающе. Ощущение – на ум приходило такое сравнение: как природа, предчувствуя ужас, на миг в оцепенении замирает перед сейсмоударом. После грохота боёв – жутко... Но для отдыха и «зализывания ран», подготовки и накопления сил – время хорошее.

...В то утро, из группы казаков ушедших в «Тигину» на завтрак, вернулись только двое. Сказали, что Лекарев и Ивахно уехали. Мол, с ремонта вернулся ЗИЛ, грузовик-«хозяйка» их сотни, и нужно было в крепость съездить за боеприпасами и ещё за чем-то, вот они и напросились. «Лекарь» поехал, сказав Притуле, что у него медикаменты заканчиваются и нужно пополнить. А вообще-то, честно говоря, они хотели по пути, хоть ненадолго, но заскочить в храм, и если повезёт, то повидать отца Михаила – давненько уж никак не получалось...

Казаки знали отца Михаила ещё и как земляка – много лет он служил в Иркутской епархии, а в конце 80-х был переведён в Тирасполь. И вот сейчас, в лихую годину, он, духовный наставник черноморцев, не мог оставить своих казаков – он с ними, в самом пекле – в Бендерах. И иркутские казаки были ему родными, для них у него были самые душевные, самые нужные в тот момент слова.

...Бывает так, что человек, прожив целую жизнь, так и не узнает, герой он или нет. Солдату на войне проще: каждый бой есть проверка. А священнику?

Звучно, осеняя Святым Крестом, отец Михаил воодушевлял своих сынов-воинов перед боем, призывал их исполнить долг христоролюбивого воинства – сколько же было силищи в словах этого седого, как лунь, но ещё крепкого на вид, и с удивительно добрыми глазами, старика! Он успевал повсюду. Его можно было увидеть не только в храме, но и в госпиталях, на улицах среди горожан, в штабах. Во время и после боя, окинув взглядом ужасающую картину, замечал всех нуждающихся в помощи, прямо во дворах и на улицах города утешал раненых, причащал отходящих к Господу страдальцев, отпевал убитых. Не раз и около него проносились смертельные очереди, но – храбрые всегда пребывают под незримым покровительством Бога! Отец Михаил, забывая о себе, как и надлежит истинному христианину, не только словом, но и примером своих деяний и самой жизни утверждал истинность учения Христа.

Вот таков он – отец Михаил. Священник. Патриот. Воин. Герой.

Здесь, немного забегаая вперёд, нельзя не рассказать об одном эпизоде работы III-го Большого круга Союза казаков, что проходил в ноябре 93-го в Оренбурге. К делегатам Круга, среди которых было немало ветеранов-«приднестровцев», с трибуны обратился кошевой атаман ЧКВ подьесаул Владимир Бенешук: казаки-черноморцы просят поддержать их ходатайство о награждении отца Михаила высшим орденом Союза казаков «За Веру, Волю и Отечество». Ответом казаков – выборных делегатов от всех казачьих войск и уголков России было многотысячное и единодушное «Любо!», стоя, и под мощные крики «Ура!», «Слава!»...

А.С. Боговид. «Черноморское казачье войско (1991-2001 годы)». Тирасполь, 2002 г.

«Митрофорный протоиерей Михаил Васильевич Шевчук – войсковой священник Черноморского казачьего войска (с 1991 года).

За многолетнюю (с 1957 года) подвижническую деятельность удостоен наград Московской Патриархии Русской православной церкви: орденов «Святого равноапостольного князя Владимира» II и III степени, «Преподобного Сергия Радонежского» II и III степени, в 1978 году награжден Крестом с украшениями, в 1988 году было жаловано ношение второго Креста, в 1989 году был пожалован «Патриаршим Крестом».

В тяжёлом 1992 году Михаил Шевчук непосредственно в районах боевых действий – в городах Дубоссары и Бендеры – он благословлял на ратный подвиг, отпевал и провожал в последний путь погибших казаков, гвардейцев, ополченцев, погибших при защите многонационального народа Приднестровья.

За активное участие в деле возрождения и становления Черноморского казачьего войска, а также за подвижническую деятельность по возрождению Православия в Приднестровье Михаил Васильевич удостоен наград Союза казаков России и Правительства Приднестровской Молдавской Республики: орденов «За Веру, Волю и Отечество» II степени, «За службу

казачеству», креста «За оборону Приднестровья», «За верность Черноморскому казачьему войску», медалей «Защитнику Приднестровья» и «10 лет Союзу казаков».

...Прошло, может, чуть больше часа, как Лекарев и Ивахно вдруг неожиданно вернулись на «базу» – ввалились с радостным шумом, возбужденные... Загадочно улыбаясь, Славка протянул бордовую пачку с золочеными буквами на квадратной крышке и, величаво-наигранно откинув ее, стал угощать казаков сигаретами.

- Закуривай, господа! «Данхилл»!

Привыкшие уже за это время к «Дойне» - выдаваемым им здесь вонючим молдавским сигаретам, парни, благостно затягиваясь, удивленно спросили: откуда, мол, такое богатство?..

- Да это мы, видимо, у нашего «старого знакомого» угостились, - и, увидев несколько недоуменные взгляды, пояснил: - Ну, помните, как мы где-то неделю назад у башни чуть не влипли? Только что опять с ним встретились. А гвардия помогла сразу и попрощаться. Впрочем, дело было так... - и Лекарев рассказал.

...Отъехали-то они совсем недалеко – только проскочили перекрёсток Лазо-Кирова, как по машине ударила очередь, и тут же вторая, короткая, выбив щепки из борта, прошла по кузову. Славка сидел в кабине. Свистнув перед носом, две пули звездочками оставили отметины на лобовом стекле. «Жми!.. – крикнул он «водителе». Но куда там? – чихнув, движок замолк. Проехав ещё немного, машина остановилась, зашипев паром из-под капота. Все выскочили, укрылись за стеной дома.

- С чердака били, из слухового окна, - сказал, ехавший в кузове Ивахно. - Вон с того... - заглядывая за угол, показал стволом автомата на покатуую крышу.

И тут услышали гул и лязганье траков по асфальту, обернулись – по дороге в их сторону быстро приближался МТЛБ, броню которого облепили десяток гвардейцев – «лучше пуля или осколок, чем сгореть в этой банке». Славка громко свистнул, замахал им рукой. Увидав казаков, настороженно заглядывающих за угол дома, и парящий капотом ЗИЛ посреди дороги, гвардейцы в момент всё поняли. Натренировано спрыгнув с брони, подбежали. Их «броник» остановился, пулемёт в башенке, подняв ствол, будто нервно принохиваясь, пару раз дёрнулся в их сторону.

- Слышь, браток, подсоби огоньком, - обращаясь к прапорщику-гвардейцу, сказал «Лекарь». - Там одиночка какой-то... Во-о-н ту крышу видишь? «Запечатай» окошки на чердаке, прикрой нас...

- Во, мля... Чуть не влипли! – и, добавив ещё пару крепких слов, «прапор» быстрыми жестами отдал своим бойцам распоряжения. Один сразу побежал обратно к «броню», двое, огибая дом, рванули во двор.

«Броник», резво вырулив на улицу, ударил из пулемёта. Одновременно в чердак дома, сверкнув, огненными стрелами влетели гранаты, выпущенные из двух «Мух» гвардейцами – бахнуло, и шифер, вздыбившись и шелестя, осыпался. Прикрываясь шквалом огня пулемёта и автоматов солдат гвардии, бивших из-за брони, казаки со всех ног кинулись к дому...

На чердаке увидели умирающего. Одна граната взорвалась рядом и смертельно ранила стрелка, разорвав ему бок и брюшину крышкой ствольной коробки его же покорёженного взрывом автомата. Молодой светловолосый парень. Был в модном летнем костюме в стиле а-ля military, фирменных кроссовках и, что возмутило – с красной повязкой на рукаве, как у наших!.. Рядом валялась разбитая взрывом коробочка – портативная радиостанция. Как медик-профессионал, Лекарев, сразу обратив внимание на раны, и взглянув в его донельзя сузившиеся зрачки, понял какие страдания и боль тот испытывает, и что уже не жилец... Судорожно скрёб ногами, и хрипя сквозь стон, по-русски, без какого-либо акцента, но характерно по-московски *акая*, умолял добить его...

- Что, жил сладко, и смерти лёгкой захотел?.. – презрительно спросил Славка. - Много на чужих смертях заработал? Жил паскудой и сдохнешь тут... безродной чердачной крысой... Тьфу! – сплюнул в его сторону и повёл всех вниз.

...Плюнул на умирающего. Говорят, для человека, а тем более для врача – это ...великий грех? Но – Славка не чувствовал греха. Не было у него к этому москвичу, как он его про себя

назвал, ни жалости, ни сострадания. Ничего, кроме презрения. Как к иуде, предавшим за кучку пусть не серебряников, а зелёных американских бумажек не только свой народ, но и перечеркнувшим жизни своих предков, все их былые, и возможно, славные деяния. Оттого ставшим без рода и племени – сам вычеркнул себя из рода русских. И как наёмник, стал вне закона. Людского и Божьего.

Документов у того стрелка, естественно, не было. В кармашке батника нашли лишь фирменную зажигалку «Зиппо» и ...пачку дорогих импортных сигарет «Данхилл».

«Расстрелянная республика», М. 2002 г. Сергей Мишин:

«Был случай, когда Кишинев выделил три машины с хлебом для населения. Так вот, один из этих водителей был уничтожен снайпером со стороны Молдовы. Не разобрался, что за машины идут...»

...Принесли тяжелораненого казака. Их группа возвращалась с задания и в районе магазина № 10 попала под странный обстрел. Били короткими очередями из непонятого оружия. Его боеприпасы с треском взрывались над головой. Снайпер? Откуда, кто и из чего стрелял – никто понять не мог.

Сколько раз ребят – и гвардейцев, и казаков, и ополченцев – предупреждали об опасности, подстерегающей в этом районе – на улице Кавриаго. Простреливалась и сама дорога. Забывчивость ли, безрассудная храбрость или пренебрежение опасностью, но многим защитникам и жителям города это стоило **хлыст,**

жизни. Где-то в дальней стороне парка Горького «румыны» поставили, насколько поняли, безоткатное орудие. Оно расстреливало все попадавшие в её прицел машины. Иногда пушка стреляла и по отдельным, показавшимся на улице, людям. Вот у поворота на улицу стоит обгоревший остов дома, бывший когда-то магазином «Овощи-фрукты». В него всадили снаряд полицейские, удерживающие недалеко отсюда всем известное здание на улице Дзержинского. Возле магазина № 10 застыл изуродованный «КАМАЗ», недалеко – сгоревший «Москвич». Вот, отбуксированный с дороги в проулок по улице Котовского, стоит БТР, тоже сгоревший. Казаки, по несчастью, повернули на улицу Кавриаго, и их бронетранспортёр был подбит. Раненых было много, а двое не смогли выбраться – сгорели заживо. [*1].

Всё это знали и ещё раз увидели казаки группы, которую повёл «Шатун», чтоб всё же попытаться «разгадать» тот «странный» обстрел... Вышли в этот район перед рассветом, в притихшем тумане. Пробирались скрытно, потому и долго. Зато прошли аккуратно и тихо. Подходя к школе № 1, Борис машинально прошарил взглядом темные окна её этажей. Ещё неделю назад оттуда в течение нескольких дней снайпер трепал нервы всей округе. Долго не удавалось, но всё же гвардейцы его «успокоили». На следующий день появился второй. Но «засвеченное» место оказалось беспокойным, и он переместился на соседнюю улицу, в строящийся двухэтажный дом. Его «вычислили». Под теми развалинами гранатомётчики гвардии и похоронили снайпера...

Согласовав накануне, у школы, в ранее условленном месте встретились с бойцами гвардии: «О, сибиряки?! Привет!..», - группу иркутян по нашитым на их камуфляжках

**«А Бендеры звенят тишиной,
В сердце ужас, как холод стальной.
У войны – словно отдых дневной,
Так обманчив покой над землей.
Но не слышен своей пули свист,
Как не слышен летающий лист...
Выстрел снайперский бьёт, словно**

**Купол неба предательски чист.
Боль – осколком в сердцах у друзей,
Тех, что видели столько смертей,
Но не чувствуешь боли своей,
Что в глазах и в сердцах матерей.
Только струйкою кровь по виску
И, как ягодный сок, по песку.
Вечным сном спать в земле казаку -
Несть ни сна, ни пощады врагу.
И победа нужна нам одна,
И воспрянет страна ото сна...
Не забыть бы лишь те имена,
Чьей судьбой стала эта война».**

А. Крылов, июль 1992 г.

шевронам уже узнавали не только казаки, но и гвардейцы, ополченцы и «спасатели». Десяти минут хватило, чтобы выслушать «местных» – гвардейцы знали здесь каждый бугорок и кустик, и определить позиции парных наблюдателей. Разошлись – скользнув тенями вдоль стен и под сумраком густых крон, бесплотными призраками растворились в предрассветном «молоке». Тихо. Светает...

Представим-ка мы себе того снайпера...

Этот опустевший дом он присмотрел и облюбовал несколько дней назад. Очень удачная позиция – результативная. Сегодня, несмотря на грохот ночи, хорошо отдохнул и перед рассветом через подвал перешел в другой подъезд на подготовленную ещё вчера новую «точку». Из квартиры на пятом этаже переулок просматривался хорошо. На асфальте различались какие-то обломки, колья земли, сучья деревьев и крупные гильзы. Безжизненными глазницами окон и хмурым отблеском уцелевших стёкол смотрела через двор напротив серая коробка «хрущёвки».

За окном зарождался день, и стрелок устремил взгляд на перекресток. Пустынно и непривычно тихо. Пока. Минуты тянутся. Снайпер поудобнее устроился в центре комнаты перед пустым окном, поставил перед собой на сошки надёжную импортную «машинку» и расслабился. Он знал, что сливаясь с фоном закопченных стен, с улицы не заметен. Сколько просидел, не определить: в ожидании у времени иной темп...

На углу улицы не то обозначалось неясная тень, не то показался человек. Выстрел! – приглушенный глубиной комнаты, с улицы был слышан лишь сухой щелчок. В гулком утреннем воздухе одиноко стукнулось и покатило по тротуару ведро, да в нелепой позе на газон упал старик. Глаз стрелка не подвёл. Профессионал все же...

... Не прошло и полчаса, как он уловил взглядом: в окне второго этажа дома напротив шевельнулась штора. Прижавшись к прикладу, перевёл ствол. Показалось? Может, сквозняк? Нет, стёкла-то целые. Край шторы вновь сдвинулся. Выстрел! – полотно вздрогнуло и резко чуть приоткрылось... «Ну что, любопытный, получил?»

Не знал он, что его позиция уже давно – примерно! – определена: один из двух домов, и к этому месту стали подтягиваться приднестровцы. Быстро, но очень осторожно. Нужно наверняка заблокировать пути его возможного отхода. Но оставалось неизвестным, из какого конкретно дома он стреляет, в каком подъезде, какой этаж?..

- То, что он здесь, где-то рядом, мы поняли, хоть и не сразу, когда в двух местах увидели подвязанные на концы нижних веток деревьев белые полоски ткани. Обычно такие штуки, как обрывки бинтов, лент, какие-нибудь тряпочки – служат снайперу для определения направления и скорости ветра, чтобы правильно взять поправку при прицеливании. Решили проверить, точно ли он здесь. Как ни странно, но на наш трюк со шторкой «купился» он «дёшево», – рассказывал Борис. – Но только за полдень он наконец-то «светанулся»...

«... Удачно начался день». И вновь пошло время ожидания. Через мощную оптику прицела, защищенную от бликов большим резиновым козырьком, он просматривал дворы, дома, переулок и, чуть прикрытый листвой кустов акации, перекресток с небольшим участком дороги в конце его, видневшихся меж домов...

Когда на дороге выскочил «УАЗик-«таблетка», дважды ударил своей «коронной» короткой очередью. Перевел ствол чуть влево, чтоб добить наверняка – сейчас машина покажется у перекрёстка...

... В тот же миг пространство вдруг треснуло и заполнилось грохотом очередей и отлетающей от стен пылью и копотью! Пули, визжа рикошетом, заметались по комнате... Стрелок только успел выскочить на площадку, как сзади, вспыхнув, с треском рванула влетевшая в квартиру кумулятивная граната!..

*«... Вниз!.. в подвал!.. в коллектор!» Ужасный грохот взорванной, разлетающейся в щепки подъездной двери, оглушил и болью ударил по ушам. Он метнулся в сторону... [*1].*

- ...Чтоб обезопасить себя, - мало ли что там могло нас ждать: «растяжка», или ещё какая хрень, - продолжал рассказывать Будунов, - Сашка вторым выстрелом из «Мухи» вышиб дверь в подъезд, вход «очистил»... Парни рывком туда. А тот с другой стороны дома на балкон второго этажа выскочил, спрыгнуть хотел. Тут его гвардейцы сразу из нескольких стволов и «сняли».

Конечно же, никаких документов... Но зато какая у него «пушка» была!.. – покачивая головой, Борис восхищенно закатил глаза. - О-обал-деть! Я такие только на видео в импортных боевиках видел! Мы вместе с гвардейцами к их позициям выходили, а там контрразведчики на этот ствол сразу «лапу положили»...

Видимо, с подобным «забугорным» «чудо-оружием» вскоре пришлось столкнуться и Михайлову с Тумаковым.

...Последние разведанные нужны были позарез. Их ждали все. Около полуночи поступил долгожданный звонок из штаба: разведчики вернулись, приходите... Михайлов пошёл сам – в группе, кроме него и Будунова, мало кто мог «читать» военную карту с нанесёнными на неё Мясиным значками условных обозначений. Да ещё, за неимением нормальной карты, всё это нужно было перенести себе на схему. С собой Вадим взял Виталия Туманова.

Виталий в их группе был самым молодым – чуть больше двадцати лет. Но с ним всегда было надёжно. Рассудительный, думающий даже в горячке боя. Внимательный – в дозоре ему просто цены не было! И в нём чувствовалась... порода! Виталька как-то вскользь сказал, что он, их семья – из дворян, что ему рассказывали про деда, расстрелянного чекистами уже после Гражданской. Это, конечно, несколько удивило казаков. Но спустя годы, сей факт подтвердился документально...

Н.М. Меринов, Атаман Иркутского казачьего войска (1991-98 гг.). «Иркутское казачье войско. История и современность», изд. «Репроцентр», г. Иркутск, 2009 г.

«...Есть факты вступления дворян в казачье сословие. Так, дворянин Туманов, ученик гимназии, подал прошение в Спасскую станицу, причём в прошении указал, что только в рядах казачества он может вести реальную борьбу с большевизмом. В дальнейшем он стал командиром взвода казаков (ГАИО Р-1492-1-25-л.4).»

...Ночной ветерок, слабый и еле ощущаемый, после знойного дня приятно освежал. На улице темень – хоть глаз выколи! И непривычная тишина – полная глушь. На сегодня, видимо, все уже настрелялись... Темнота будто затвердела, целиком и полностью свои позиции заняла тёплая душистая ночь. Невольно вспомнилось гоголевское: «Знаете ли вы, что такое украинская ночь? О, вы не знаете, что такое украинская ночь!..» И в Молдавии, это уж точно, такая же. Ночи почему-то были безлунными. Лишь звёзды, забрызгавшие всю высь, чуть разжижали эту темноту. Ах, какие здесь звёзды! Они словно роились в небе, густо облепив его черный купол. И светились они непривычно ярче, будто кто-то прибавил напряжения в небесную электросеть. В мирном городе таких звёзд не увидишь – их блеск забивается светом окон и уличных фонарей, сиянием витрин и неоновых реклам. И как ни силясь, там не заметишь, завораживающей своей красотой и величием, раскинувшейся от горизонта до горизонта, широкой ленты Млечного пути!

И сколько раз, выходя в «ночное», Вадим, хоть ни на много, но невольно отвлекался от «работы», глядя в ночное небо. Замечал, как медленно, будто они живые, над головой поворачиваются созвездия. А вот, не обращая внимания на столпотворение звёзд, с запада на восток проплыла большая белая точка – спутник? ...Или, может, НЛО? Там, наверху, в космосе шла своя, Богом данная, жизнь! А сколько было загадано желаний, смысл которых у всех здесь был одним, когда сверкнув тонкой короткой строчкой «трассера» падали сорвавшиеся с черного небосвода звёзды!

Было, чего уж тут таить – виноват, что из этого лирического настроения его вдруг выводил резкий грубый шопот: «Михалыч! Давай «работай» – хорош звёзды считать!»

...Михайлов с Тумаковым уже подходили к «Тигине» – оставалось-то сотня метров! – как вдруг перед ногами впереди идущего Вадима, коротко свистнув, что-то торкнуло по газону.

- Стой! Ты слышал, Виталя? – резко остановившись и быстро присев, спросил он, снимая автомат с предохранителя. И беспокойно озираясь, – но что можно увидеть во мраке? – весь превратился в «слух»...

- Да это... кошка... наверное... - в полголоса тревожно проговорил озадаченный Виталий.

И тут, дернув кустик и одновременно выбив из асфальта искру, с характерным визгом рикошета в полуметре от Вадима ударила пуля. То, что это пуля – сомнений нет. Но ведь тишина! Выстрела-то ведь не было слышно! ...Глушитель? Но известно, что глушитель снайперской винтовки не может полностью поглотить звук выстрела из-за мощной пороховой навески патрона, он лишь сильно меняет тембр, делая звук выстрела похожим на негромкий хлопок. Не услышать его, да ещё тихой ночью, они, конечно, не могли. Как и лязг затвора, пусть даже далёкий. Так что это? Шальная пуля? ...Прилетевшая издалека?

Следующая пуля щёлкнула позади Вадима, уже у ног Виталия. Оба разом распластались на асфальте. Поползли вперёд. Назад нельзя – там вообще открытое место, а здесь они на этом тротуарчике хоть под защитой кустиков, пусть низеньких, но довольно густых. От пуль, конечно, слабая защита, но хоть с виду их скрывали. Ползли почти полсотни метров. Этот снайпер-ночник, видимо, стрелял уже наугад – пули, сшибая листья, всё продолжали и продолжали с присвистом дзинькать вокруг и рядом с ними. Одна, тупо шмякнув слева от Витальки, задела приклад его автомата, другая впиалась в асфальт в сантиметрах десяти от его лица.

«...Просто жуть – никогда так не было страшно, - признался Туманов. – Весь мокрый, в холодном поту. А сердце долбило так, что казалось, снайпер слышит его стук, и бьёт на звук». А Вадим же на следующий день, взглянув в зеркало, с изумлением увидел в отпущенной им «тальковской» бороде пробившийся клочок седины, а в чубе, как после бурной ночи на перине, будто серебряное пёрышко застряло...

Но еще большее изумление у всех, кто видел, вызвало другое. Под вечер дела вновь позвали в штаб. По пути Михайлов и показал казакам то место, где ночью они с Виталей животом асфальт «шлифовали»... На ходу, осматривая участок тротуарчика, Вадим увидел что-то тускло блеснувшее металлом у бордюрного камня. Нагнулся – интересно, что за странная штучка?

Впившись, из асфальта на полсантиметра торчала какая-то блестящая... - что это: какая-то деталька?.. пруток?.. Как поначалу показалось с зубчиками на конце... Или это ...оперение?! Как стабилизатор на хвосте мины?! Через пару минут выковыряли из асфальта – сильно деформированное «это» оказалось... пулей! Стальная, как сердечник, заостренная (была когда-то), диаметром три-четыре миллиметра и длиной где-то сантиметра три, а на конце четыре маленьких скошенных пёрышка стабилизатора!!! Эту невидаль Вадим отдал командиру сотни, собиравшемуся в горисполком – штаб обороны города, мол, покажи там, кому надо, чем стали Бендеры расстреливать...

Только года через два в каком-то популярном оружейном журнале Вадим увидел на одной из фотографий пулю, очень похожую на ту... Но в статье-то речь шла об экспериментальных (!!!) разработках безгильзовых боеприпасов к стрелковому оружию НАТО!

А «чудо-пушку» – может, ту самую? – удалось увидеть в Тирасполе совершенно случайно, буквально перед самым отъездом домой. В штаб ЧКВ её только что доставили из Бендер. Вроде бы ничего особенного – очень красивая импортная «игрушка». Итальянская автоматическая винтовка. Толстый, внушительной длины ствол-глушитель, сошки, удобный приклад заедино с пистолетной рукояткой. Но вот прицел!.. Это был даже не прицел, а оптикоэлектронный шедевр! Большая, с устройством антиблика, мощная с виду трубка (труба!) оптического прицела, и заедино с ней установлена какая-то коробка... Блок?.. Кнопочки, переключатели... – компьютер, да и только!

**А.Лебедь, генерал-лейтенант, командующий 14-й общевойсковой российской армией.
Из заявления 4 июля 1992 года. г. Тирасполь.**

«Народ молдавский воевать не хочет. Это добрый и мирный народ, когда-то был веселым и жизнерадостным. Министерству обороны Молдовы не остается ничего иного, как задействовать наёмников. ... Резко увеличился приток снайперов из Литвы и Латвии, едут преимущественно женщины. ... Военный совет армии располагает обширными материалами и готов представить их для рассмотрения любой комиссии...»

...Ну, никак одного снайпера не могли «вычислить»! Судя по почерку – один и тот же. Одиночный выстрел, нет – просто глухой хлопок слышан, и всё – тишина на многие часы... Так изо дня в день. И ведь стреляет где-то рядом! Отметили: с разных точек, но с упорным постоянством «работает» в одном месте – облюбовал он район вокзала, как прописался... И бил без промаха – каждый день узнавали: то казак погиб, то гвардеец недалеко, а то кто-либо из горожан у крыльца своего дома падёт от его пули.

Дважды, казалось, в тот день удача улыбалась казакам. Но...

В первый раз полностью были уверены, что выстрел снайпера хлопнул с этого дома, вот с этого этажа – всё, засекли! Взять! Время пошло! Нет, не пошло – рвануло! Вместе с парнями. Тут уж было не до осторожности – как же он «достал»!!! – блокируя, к «засвеченному» дому казаки бежали, как угорелые, на ходу очередями обстреливая те окна... Парни буквально влетели в подъезд. Но не все – часть рассыпалась вокруг дома. По лестнице поднимались не так, как это делают нормальные люди, громко проклиная неработающий лифт и шаркая ногами – взлетали молча, слыша лишь тяжелое дыхание, чувствуя, как громко стучит сердце, выдавая под сотню ударов, перемахивая через три ступеньки – они, словно цементные клавиши, мелькали перед глазами серыми ребрами. Выжимая из тренированных мышц невозможное, Вадиму казалось, что ноги, отёкшие и взмокшие на жаре, уже напрочь срослись с кроссовками. А влажная «камуфляжка», по его представлениям, весила никак не меньше пуда, да плюс навешанное ещё «железо», и всем этим весом с каждым этажом всё сильнее давила на плечи. Но за злобой и боевым азартом всё это в сознании как-то мало акцентировалось.

Но как были вновь до жути разозлены и раздосадованы, когда ни в той квартире, ни в подъезде никого подозрительного не нашли! «Зачистка» заблокированного дома – подвала, чердака, всех его квартир – тоже ничего не дала. Никаких следов! Только оставшихся в доме жильцов, в основном пожилых людей, перепугали... Да зря выбили несколько дверей в квартиры ушедших от войны за Днестр хозяев... Досадно! Ошиблись? Или успел улизнуть?

И всё же, нет – не ошиблись. Из долгого и нудного рассказа, шамкающей губами сухонькой старушки – из тех, кому всё интересно, которые всё видят, слышат и испытывают острый дефицит общения, узнали о странных для неё каких-то хлопках из соседней квартиры – той самой! Соседи, сказала, уехали ещё в мае, их она и не видела больше... «Уехали, а окна оставили открытыми?!» Но на днях слышала, как щёлкнул замок в двери, и в окно увидела выходящую из подъезда молодую светловолосую женщину с сумкой в руке. Бабулька оказалась настолько говорливой, что даже не пришлось задавать уточняющих вопросов – весьма живописала внешность и приметы той блондинки.

Повторный осмотр квартиры, но уже более внимательный, попадающий под категорию «шмона» – тщательного обыска, дал интересный «вещдок» – обыкновенный картонный тубус, в которых обычно студенты носят свои чертежи, курсовые... Но доньшко у края изнутри пробито... пулями – порохом пахнет! Вот и вся разгадка глухих хлопков! И к тому же – мебель сдвинута, а на стоящем у стены платяном шкафу нет... пыли! А ведь наверху серванта, на книжных полках – её полно! Яснее ясного – стреляла из глубины комнаты через открытое окно, лёжа на шкафу...

Но самое главное, что старушка, заметив из своего окна, дала казакам «наводку» ещё на один дом, стоящий чуть поодаль... И за этим домом тоже установили наблюдение. И уже к вечеру, прикрываясь грохотом близкого миномётного обстрела, оттуда прозвучал выстрел. «Она! Блондинка!..» – были уверены казаки, – «Быстрой!..»

Со стороны улицы Лазо к ним бежала ещё одна группа. Сообщили: только что пулей был убит мальчишка лет тринадцати-четырнадцати – в город хлеб привезли, он бежал к фургону. ... И тут же в штаб позвонила женщина, сказала казакам, что стреляли из их дома. Всё сошлось!

- ...Скор-р-рей!!!

Захват снайпера – это не просто захват, это – больше чем захват. Бег, как молниеносный рывок, дверь – в щепки, парализующий волю огонь и резкий громкий крик – это лишь внешняя, несколько эффектная сторона дела. А то, что скрыто от глаз – это бушующий в крови адреналин и бьющий через край фонтан эмоций, замешанный на чуть ли звериной ненависти к убийце, азарт легавой, мчащейся за лишь мелькнувшей хищной плутовкой. И ещё: колотящееся сердце,

бешено выбрасывающее в мозг свежую кровь, мурашки, бегущие по спине и плечам, чуть подрагивающие колени и напряженные пальцы. Это – нормальный мужской мандраж перед беспощадной дракой, в которой – хоть сдохни! – надо победить.

...Услышав в подъезде топот, на площадку из приоткрытой двери выглянула женщина-инвалид на костылях и, показывая пальцем наверх, в полголоса сказала:

- На четвёртом этаже, ребята... Квартира (такая-то)... Оттуда стреляли, - и назвав фамилию хозяина, добавила: - К нему полицейские ходили... Он, супостат, заодно с ними.

Каково же было удивление казаков, когда, ввалившись в тяжёлую, обитую красным дерматином входную дверь, открытую ими с помощью «универсального ключа Калашникова», увидели в комнате пожилого, но ещё довольно крепкого мужика лет за шестьдесят... Не только удивило, но и сильно смутило! И не столько возраст... – небрежно наброшенный, на спинке стула висел пиджак... с широкой колодкой орденских лент!

Потребовав документы и, опередив шаг ветерана к стулу, Вадим перехватил его пиджак, успев отметить, что среди кучи ленточек юбилейных, за выслугу и каких-то ещё медалей, были и боевые награды... Во внутреннем кармане пиджака были паспорт и удостоверение пенсионера МВД СССР. Документы в порядке, прописан по этому адресу. В квартире гулял лёгкий сквознячок...

А казаки в это время в квартире устроили «шмон» по полной программе».

- Вадим, посмотри-ка... - подошедший Иосиф, держа автомат наперевес и наведя ствол на ветерана, кивнул в сторону другой комнаты. - Там «Лекарь» нашел кое-что.

Славка, придерживая тюлевую штору перед открытым окном, носком сапога показал на находку. На полу под подоконником лежала гильза. 7,62... От АКМ или СКС... Ещё «свежая», тёпленькая и кисло пахнет недавно сторевшим порохом.

Ветеран ни на какой разговор не шёл, на вопросы отвечать не желал. Держался он спокойно и гордо, всем видом и холодным, чуть с прищуром взглядом, выказывал казакам полное к ним презрение...

«О-о, а вот ухмылочка твоя – это уже вызов. Зря ты так...» – Вадим глубоко вздохнул, медленно загоня в себя вырывающийся наружу гнев. – «Станный какой-то дед – у него смерть перед носом пляшет, а он наглеет, как специально напрашивается. Маразматик, что ли? Ополумел на старости лет?..» А кто-то из казаков, хмуро буркнув, дал ему краткое, но ёмкое определение: «Покойник в отпуске».

По поводу гильзы он даже и глазом не повёл.

– Это провокация! – с наглым высокомерием взвизгнул старик, и ещё выдал какую-то ахинею, типа что «сами подбросили», на что кто-то из бендерских казаков взорвался:

- Что, мент поганый, свои старые замашки вспомнил?!

...Обыск шёл с удвоенной силой – оружия-то нигде нет! Смотрели и внизу под окнами, и... везде! Так и не нашли. Вернувшиеся с осмотра дома казаки сказали, что в подъезде ещё в двух квартирах живут – они тоже слышали выстрел, подвала и люка на чердак нет... Вот, правда, здесь у дома, и очень близко, деревья большие...

«Так всё-таки, кто же стрелял? Дед? Куда тогда «пушку» девал? В вентиляцию?.. – там, на кухне отверстие большое... Или кто-то от него стрелял? Кто? Кого он пустил к себе? И как тогда тот «смылся»?.. Опять «облом»?»

С улицы в квартиру поднялись двое казаков. На ладони одного из них лежало несколько гильз. Тоже 7,62... Уже старые. Нашли у отместки дома почти под окном...

- «Дома» с той сличим, - сказал Вадим и, уже ветерану, подавая пиджак: - Собирайся, дед. На «разбор полётов» пойдём... Там узнаем, что ты за «птица»...

В штабе, куда привели задержанного, местные, бендерские казаки сразу же признали его: «Ба! Какие люди! Попался-таки, паскуда!..» И тут уже пришлось прикрыть старика – при виде его, Костя не смог сдержаться – бросился с кулаками.

- Да пусти ты!!! – кричал он. - Этой сволочи черти давно уж на кладбище прогулы ставят!..

...Мало кто знал его фамилию – просто Костя и всё. Молдаванин. Бендерчанин. Пришёл к казакам. В бой ходил, закрыв красным платком, как маской, пол-лица – на «той стороне» у него

остались родственники... Крепкий, кряжистый, спокойный, выглядел лет на пятьдесят. И белый, как лунь – говорили, поседел враз... Он мало с кем общался, замкнувшись в своём горе. Горе с большой буквы. Такое, что он уже сжился с ним, оно превратилось в часть его личности, и сама жизнь уже воспринималась по-другому...

У него был дом и большая дружная семья – пятеро детей. Но пришла война... Пришли те, которые, как в Нюрнберге, оправдывали себя: «Я выполнял приказ...» Две маленькие девчушки погибли, жена стала инвалидом, когда в их дом влетела ракета. Со старшим сыном ушёл воевать. Сын погиб в бою на его глазах. Он мстил. *«Мне отмщение и аз воздам!»* – в этом он обрёл смысл всего. И сам смерти искал. Лез на рожон, в самое пекло. Но, казалось, что сама Смерть боялась и избегала его – он воевал так, что аж чертям было страшно!..

Старик стоял гордо, и, казалось, невозмутимо – ни страха, ни волнения на лице, лишь глаза его горели призранием...

...Был он когда-то в городе видным человеком: ветеран войны, ветеран труда – молодым парнем ушёл на фронт, после победы над Германией пришёл в милицию, где и проработал до пенсии, будучи уже в большом чине и на высокой должности. Двое сыновей пошли по его стопам. Пенсионер дома не сидел. Стал активистом, с головой погрузившись в общественную работу – весомый авторитет, почет, известность в городе! Но тут пришла горбачевская перестройка с её «плюрализмом», «консенсусом», «новым политическим мышлением», «национальным самосознанием»...

Господи, а с людьми-то что случилось? Как же получилось, что они, как «плохиш» Егор – внук Гайдара, от «большого ума» исковеркивавший западными неологизмами русскую речь, так же до уродства вывернули своё сознание, извратили мышление?..

Поганая волна подхватила и этого «перевёртыша». Активист, коммунист и фронтовик вдруг стал активистом-националистом, ярким приверженцем иного фронта – Народного фронта Молдовы. Его знания и жизненный опыт «фронтистами» ценились очень высоко. Вместе с таким же политическим оборотнем – Лёвой Лефтером, в недавнем прошлом страстным пропагандистом марксизма-ленинизма, начал издавать газету «Тигина», стал глашатаем идей НФМ. Он, ветеран милиции стал консультантом и наставником полиции кишинёвского режима, а вскоре одним из лидеров НФМ в Бендерах, фактически – пособником убийц. Мать националистического угара «Великой Румынии» и его превратила в убийцу – детоубийцу...

- Так, куда его сейчас? – спросил Михайлов Притулу, когда тот закончил безуспешные попытки допроса. Старик оказался «крепким орешком» – молчал, а взгляд его буквально дымился от ненависти.

- Только подальше отсюда, - ответил сотник, внешне вроде бы и спокойно, но голос его, низкий и хриплый, прозвучал как у монстра в фильме ужасов. И добавил, подняв тяжелый взгляд на Михайлова: - ...Чтоб не вонял тут.

Вадим оторопел – он всё понял. За окном лёгкий ветерок покачивал ветви тополей, то шепотками, то горстями закидывая солнечный свет в полумрак помещения штаба, отчего тонированные, чуть дымчатые линзы его очков бликовали, но Притула и без того, видимо, почувствовал растерянный взгляд Вадима. И это его вдруг взбесило. Желваки на скулах заходили ходуном, глаза враз превратились в щелочки, блеснувшие холодной сталью отточенного клинка, отчего Михайлову, честно говоря, стало несколько не по себе. Сотник, раздраженно почти выкрикнул ему:

- Я чё-то непонятное сказал? Ты казак или как?! Ты сам всё видел и давно всё понял, и не хрен корчить из себя пацана-«ботаника»! Не до сантиментов – тут война! Так что пусть с ним черти в аду разбираются! Или, может, предлагаешь передать его на поруки каким-нибудь иудам-Боннэр-Ковалёвым?!..

- Батька, разреши мне его?.. – прозвучал из-за его спины мертвенно-спокойный голос.

Притула нервно глянул назад. Стоя в дверях, с серым лицом, немигающим взглядом из-под тяжелых век, на него пристально смотрел Костя.

- Давай, Константин... - глухо прохрипел сотник.

А. Крылов. «Сучка» (из цикла «Днестр – окровавленный берег»). [www. art of war.](http://www.artofwar.com)

«...В отличие от всех прочих категорий военнопленных, даже извергов из ОПОНа Молдовы, с «румынскими» снайперами, фактически – наёмными убийцами, никто в ПМР особенно не церемонился и «антимоний» не разводил. Разговор с ними бывал недолгий. После непродолжительного допроса, фотографирования, а иногда – видеосъёмки, их обычно тут же, стукнув пару раз о стену, расстреливали. Но после того, как «мировое сообщество» стало наконец уделять более пристальное внимание «приднестровской проблеме», причём, явно не в пользу интересам самопровозглашенной республики, тираспольское руководство всё же сочло необходимым попытаться прекратить практику применения на фронте военно-полевых судов в отношении задержанных с поличным мародёров и прочих криминальных элементов, включая иностранных наёмников, с тем, чтобы всех виновных судить по гражданским законам и выглядеть в глазах остального «цивилизованного» мира более респектабельно. Защитники ПМР, правда, в мнимую «справедливость» общеуголовного права и судопроизводства верить упорно не желали, всячески игнорируя подобного рода распоряжения. Очевидно, на собственном горьком опыте убедившись в совершенной невозможности дожидаться применения заслуженной кары для выловленных ими в прифронтовой зоне разномастных негодяев, даже если это были террористы из диверсионных подразделений «Бужор» и прочих полубандитских формирований МНБ Молдовы. Случалось, что всего спустя несколько дней после пленения какого-нибудь боевика и передачи его в руки «официальных властей», он вдруг возникал уже на экране кишиневского телевидения, где с самым несчастным видом на канале «Адвэзрул» голосил о тех неопикуемых «муках», которые довелось претерпеть ему в «приднестровских застенках»... И всё это под «ахи» и «охи» международных «общечеловеков».

На следующий день группы дозорных, ухотивших в «ночное», вернулись ближе к полдню. И, как подгадав, прямо к обеду на «базу» пришел Смолин. Оказалось, он только что вернулся из Тирасполя, почти сутки там пробыл. Вначале в штабе ЧКВ побывал, потом в госпитале – ребят проведаль. Позвонил с «межгорода» в Иркутск войсковому атаману: узнал, как добрался Виталья Туманов, сопровождавший в «последний путь» Олега Халтурина, кратко доложил обстановку.

Как были рады казаки, услышав, что скоро в помощь выезжает ещё одна большая группа иркутян, что собираются приехать и забайкальцы.

Позвонил в Усть-Илимск к себе домой и атаману станицы, попросил сообщить семьям всей группы, чтоб не беспокоились, что все живы – здоровы, скоро вернутся домой. Привез из Тирасполя кипу долгожданных газет за несколько прошедших дней. Ведь информационный голод – самый непереносимый стресс, этот голод, похоже, сродни физиологическому. А уж на войне-то тем более!..

Как пишут в официальной прессе: «Обед проходил в тёплой, дружественной обстановке». Казаки, «прикалываясь» над кулинарным искусством дежурного «шеф-повара», «добивали» какое-то густое подгорелое варево с еле ощущаемым дымком костра. Шляхтуров, «штатный дежурный по базе», ещё утром грозился приготовить что-то вкусненькое. И когда парни пришли с «работы», то судя по доносившемуся запаху поняли: свою угрозу он выполнил. Угрозу – в полном смысле...

Шляхтуров, виновато улыбаясь, шутливо оправдывался:

- Да я супчик хотел сварить, с фасолью борщеца погуще, но – звиняйте, хлопцы – «румыны», с-суки, помешали. Ветерок в их сторону, миномётчики, видать, его запах и учуяли. Так что, в процессе варки понял, – будет насыщенное железом, что, в принципе, организму полезно, овощное рагу...

- Нас тоже сегодня чуть было железом не нашпиговали, - сказал Влад, - когда по мосту проезжали. Как поняли, издали стрельяли, с излуины Днестра у Варницы. Видимо, снайпер...

И как в продолжение затронутой Смолиным темы, земляки за обедом обстоятельно поведали ему о событиях вчерашнего дня: о старом «менте-перевёртыше», о блондинке...

Влад, слегка перекусив, внимательно слушал рассказ, изредка потягивая налитое в кружку домашнее сухое белое вино – кисленькое, слабенькое, но добротное, хорошо утоляющее жажду.

- ...А вот вчера у меня в госпитале преинтереснейшая встреча была, - начал он свой новый неспешный рассказ. - Обратил я там внимание на одну женщину. Ребята сказали, что к «своим» раненым приехала. Проведать, поухаживать... Да ухаживает-то так ревностно! Боевая, настырная – со скандалом, но своего добьётся! Наши парни, кто там воевал, её хорошо знают. «Это Лида, - сказали. - Она санитаркой вместе с Наташей на Кошнице была»... Стало интересно. «С какой Наташей?» – спрашиваю. А тут и Лида подошла. Ребята познакомили. Закурила, взяла кружку с крепким чаем, присела рядом. Какая-то застывшая страдальческая улыбка, но в то же время – непреклонное жесткое выражение лица, тонкий голос и, полный светом взгляд уставший серых глаз. Она и рассказала...

«...Наташа на плацдарм под Кошницу медсестрой пришла. Там обстрел всё время, бои очень сильные, тогда в атаку и те и наши ходили... Так вот, кто-то из полицейских, глядя в бинокль, узнал её, она с ним, вроде бы, в школе училась... И представляете, на поле никого кроме неё к раненым и убитым не стали подпускать. Кого другого если заменят – пулёмётная очередь или выстрел снайпера, а она ползёт – не трогают. Издевались так над девчонкой, хотели, наверное, чтоб с ума сошла. И вот она как-то за один день вытащила восемнадцать человек! А там же страшно, - иногда одни куски, ноги, кишки... Но ведь надо вытаскивать, хоронить... Вот она их – раненных, убитых вытащила, плачет, трясётся вся. «Дайте, - говорит, - быстро стакан водки!» А раньше вообще не пила. Выпила залпом и упала – полсутки проспала. Утром встать не может. Командир её по щекам хлопает: «Наташенька, доченька! Вставай! Идти туда надо, там же ребята!..» Еле встала, не помнит ничего, но опять пошла. И представляете, два месяца там была. Вот такая, как тростинка, вернулась, седая... На лиман отправили её отдохнуть, нервы подорвала...». (М. Корнев)

...Деды наши видели таких женщин, знали таких бойцов на той войне – Великой Отечественной. Но война вошла в жизнь и нашего поколения. Шагнула в жизнь из книг и кинофильмов и оказалась, как смерть, всегда непредсказуемой, выше и глубже всяких представлений о ней. Эта - уже не прошлая война в «Афгане», где в отчаянии гибли славянские парни на чужой земле, среди чужого народа. А страна, в большинстве своём, в это время, спокойно смотря, спала... Приднестровье же всколыхнуло Россию – впервые, после Мая 45-го, русские люди встали на защиту своей Земли, своего Достоинства, против неприкрытого геноцида.

Слушая рассказ Влада о Наташе, Вадим вспомнил лёлю – свою любимую тетю и крёстную, которая прошла всю войну санинструктором роты знаменитого Уральского добровольческого танкового корпуса. Ещё мальчишкой слушал он её о боях под Брянском и Орлом. Помнил рассказ о случае, когда уже на Украине их батальон контратаковали «власовцы» – бой был очень тяжелый. Как же его это тогда поразило – русские, но в немецкой форме ...с русскими погонами! Помнил, как держал в руке отдающую свинцовой синева медаль «За отвагу», которой его лёля была награждена за тот бой. Лишь фронтовики знают подлинную цену этой награды – не всякий солдат достаивался её. Помнил Вадим и то, что где-то здесь недалеко – при освобождении города Тернополь, заметив немецкого снайпера, его лёля заслонила собой раненого комбата – пуля прошла в сантиметре от её сердца. Навылет. Но командир был спасен. За этот подвиг «кнопка Ася», как её звали бойцы, была награждена орденом «Слава» – вторым!..

Иркутяне помнили и рассказы своего боевого друга – лихого пулёмётчика Толи Малых о своей матери – ветеране Великой Отечественной, полковой связистке, о том, как она с его будущим отцом в апреле 1944-го в составе 3-го Украинского фронта освобождали от немецко-румынских фашистов и Тирасполь, и Бендеры, все эти места!.. Провожая Толю на войну, его отец Яков Васильевич – потомственный иркутский казак, отдал сыну свою реликвию: фронтовую пилотку, в которой он после Победы вернулся домой. В ней Малых и воевал в Бендерах. Приднестровье... Названия его городов Толик знал с детства. Не только от отца. Так уж сложилось, что в этих же местах – на Румынском фронте – оба его деда воевали в Первую мировую в корпусе генерала Крымова, и их отводили на отдых в Тирасполь и в Бендеры. Отсюда один его дед – иркутский казак Василий Трофимович Малых, в 1917-м и привёз себе жену, ставшую Толиной бабушкой. Дед был расстрелян чекистами в 1938 году в печально

знаменитом логу у села Пивовариха, что под Иркутском. А второй дед – Иван Яковлевич Константинов прожил девяносто восемь лет. Он и рассказывал внукам о боях Первой мировой войны...

Толя – большой поклонник творчества Владимира Высоцкого, казалось, он наизусть знал все его песни, и частенько напевал что-нибудь подходящее к жизненной ситуации.

*«...Если путь прорубая отцовским мечом,
Ты солёные слёзы на ус намотал,
Если в жарком бою испытал, что почём,
Значит, нужные книги ты в детстве читал!»*

Всё это у Толика было: и меч, переданный ему отцом, и усы, и от горечи потерь солёные слёзы на них, и жаркие бои с врагами Родины. И, видимо, нужные книжки в детстве у него тоже были...

Г.К. Жуков, маршал Советского Союза. «Комсомольская правда», 1970 г.

«Для нашей Родины всегда будет святым день 9 Мая, и всегда люди мысленно будут возвращаться к маю 1945 года. В те весенние дни был закончен великий путь, отмеченный многими жертвами. И наш человеческий долг: поздравляя друг друга с праздником, всегда помнить о тех, кого нет с нами, кто пал на войне. Мы, люди старшего поколения, этого не забудем. Важно, чтобы и молодые не забывали.

Ещё я хотел бы сказать молодым людям: охотники до нашей земли и наших завоеваний по-прежнему есть и, думаю, долго ещё не переведутся. И потому, в любой момент надо быть готовым к суровому часу. Учитесь! Знайте, что наши враги не сидят сложа руки».

«Озлились люди. Равнодушными стали. Войны на них нету». Не раз такое слышали от стариков. Может это кощунственно, но в Приднестровье люди действительно намного добрее... Они узнали цену жизни, смерти, свободы. Они истинно сплотились. Сознание их перешло границу «тогда - сейчас»... Нет, это не политическая граница, - духовная, бороздой не по земле, а по душе.

Сколь часто слышали, как ветераны, пожилые люди с укоризной ворчали на молодёжь, мол, вы такие-сякие...- эх, вот мы!.. – как у Лермонтова в Бородино:

*«Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя...»*

Был у нас и БАМ, был и Афганистан. И Приднестровье тоже остро дало понять, что наше поколение не осрамилось, не сробело. Плечом к плечу со старшими: с отцами и дедами, встало оно против врага. Большинство ведь молодые: рабочие, студенты, недавние «дембеля». Через кровь и муки вновь выпестовывают и укрепляют они русский духовный характер: не только за свои дома и сады – за братьев, *«за други своя!»*..

Влад ещё продолжал рассказывать о своих встречах в Тирасполе, как зазвонил телефон. Трубку взял Будун: - «Шатун» на связи, - представился он своим позывным и, привычно защемяв плечом и ухом телефонную трубку, дабы не отвлекаться от чистки автомата, коротко бросал фразы, из которых ничего нельзя было понять: - «Да... он у нас... нет ещё... что?.. ни хрена себе... понял... сейчас посмотрим...». - После слова «отбой», повесил трубку и повернулся к Лекареву.

- Палыч, ты газеты куда положил? ...Которые сейчас Влад принёс. - И уже обращаясь ко всем, объяснил: - Притула это звонил. Спрашивает: газеты получили? Там, говорит, во вчерашнем «Трудовом Тирасполе» вроде как фото нашей блондинки... Поищи-ка!.. Вчера утром у нас тут, сказал, корреспондент газеты был. Он в облаву с другой группой увязался, когда... Когда она нас, как пацанов «сделала»... Но он, пока бежал, оказывается, всё время щёлкал – «горячий» фоторепортаж готовил... В редакции сразу же проявил, фотки сделал, а на одном из кадров блондинка... Ну что, нашёл? – все быстро гурьбой облепили Лекарева с газетой в руках. - ... Вот! У стены стоит... Точно – по приметам, что та бабулька сказала – она! Прочитай-ка, что там за подпись...

- «Бендеры. Попытка задержать вражеского снайпера. Увеличенный фрагмент – подозреваем, что это и был снайпер. Просим всех, кто знает изображённую женщину, сообщить сведения о ней ...»

Уже к вечеру из Тирасполя доставили увеличенные фотографии этой женщины, и через штаб обороны города были розданы подразделениям казаков, гвардии, ополченцам...

Прошло несколько дней. И всё же её нашли! Взяли «чисто» – не успела даже выстрела сделать. И вновь по точной «наводке» – в «Тигину» пришла женщина: – «Телефоны в доме не работают...» – и сказала, что она уже дважды замечала, как в их девятиэтажку заходила молодая женщина. И в тот же день после этого в гулкой тишине подъезда хлопком звучал приглушенный выстрел... Сегодня утром та подозрительная женщина вновь зашла в дом – ещё и часа не прошло. Причем поднялась в квартиру, которая уж месяца три пустовала без хозяев. Раньше, сказала, она там не жила – это точно!

- «Филин», поднимай группу! Бегом сюда! – коротко приказал сотник, быстро собирая всех, кто был «под рукой».

Вадим со Славкой, наскоро расспросив, узнали от женщины: какая квартира, этаж, кто там жил, куда выходят окна, какие балконы, есть ли подвал, техэтаж, выход на крышу? Даже, есть ли мусоропровод – немаловажно! А приметы... «О-ба! Опять «блонди»? Неужто «колготки»?

К тому времени, благодаря гвардейцам, взявшим очередного «ангела смерти», стал известен ещё один метод «работы» снайперов. Тщательно и заранее подготовленный. И, как узнала контрразведка гвардии, подготовленный ещё задолго до начала вторжения в Бендеры. Казалось, всё полиция предусмотрела: выбрала «нужные» квартиры, зная, что их хозяева вернутся не скоро, сделала на этих «точках» «закладки» для «фей» и «ангелов» – документы, подтверждающие их проживание тут, оружие в каждой квартире, так что снайпер мог передвигаться по городу спокойно, от «точки» к «точке», не «светя» себя «стволом» ... Определить подлинность прописки, выявить «липу» в документах даже контрразведке было тройне сложно. Вообще невозможно! Во-первых, из-за путаницы, вызванной действовавшими в городе одновременно горотделом полиции Молдовы и горотделом милиции Приднестровья. Во-вторых: прежний паспортный стол, как и его архив, оставался под полицией, на их территории. А в-третьих: его уже больше не было – сгорел, когда 22 июня во время неудавшейся попытки наспех организованного штурма горотдела полиции, что на улице Дзержинского, в здание паспортного стола влетел снаряд... Да, многое предусмотрели полицейские. Кроме одного - активности жителей города, их помощи защитникам Бендер. И таких случаев было безмерное множество.

...На этот раз скрытно, без шума и суеты, выдвинувшись к девятиэтажке и обложив её, поднимались на восьмой этаж как можно тише, хоть и быстро. Вот и та квартира. Английский замок, дверь филёнчатая, но крепкая. Закрыта. Открывается внутрь... Короткая очередь по замку, резкий удар ногой – отбрасывая щепки и шурупы, дверь с треском и грохотом распахнулась! Казаки цепочкой резко врываются в квартиру, стволами автоматов рыская вправо-влево, и автоматически разбиваясь на двойки, привычно страхуя друг друга, пригнувшись залетают в комнаты, заглядывают в кухню, помещения!..

...В комнате, прижавшись к дверце шифоньера, полна неподдельным ужасом, стоит молодая женщина, запахнувшись в лёгкий короткий халатик. Красивая, хоть черты лица немного и грубоватые: высокий открытый лоб, модная короткая причёска, водянисто-голубые чуть с прищуром глаза и будто припухшие веки, светловолосая... «Она ли? Похоже, но...»

А в квартире уже идёт «шмон».

...Её обволакивал негромкий запах эlegantных духов – «Нина Риччи», - вспомнил Вадим этот тонкий аромат, здесь и за это время уж порядком подзабытый. Проверили паспорт женщины – вроде бы всё в порядке: фото её, прописка, печати, штампы соответствуют.

- С какого времени проживает в этой квартире? – Вадим задал очередной вопрос.

- Там написано, - блондинка кивнула на паспорт, который он держал в руке. Что-то странное вновь искрой блеснуло в её голосе – уловив, Вадим опять не понял что, но...

- Я прочитал. Вас спрашиваю, - уже жестко сказал он.

- Да не помню точно! Уже лет семь... – чуть волнуясь и с долей раздражения ответила она, и это её выдало!..

«Вот оно что – акцент!!!» – озарило Вадима, и тут же заметил, как оторвавшись от осмотра ящиков мебельной стенки, повернув голову, к их разговору прислушался Лекарев. «Фамилия украинская, - ещё раз взглянув в паспорт, отметил себе Вадим, – а акцент-то!..»

Парни уже в полголоса доложили, что на шкафах и антресолях, как обычно – пыль, и лишь на большом шифоньере в той комнате пыли нет – тщательно вытерто!.. А ведь пыль была видна и на крышке старой радиолы, на телевизоре, и даже на трюмо, заваленном косметикой...

- Квартиру кто получал? Кто с вами в ней ещё проживает? Быстро говорить! – Рывкнул на неё. - Где ордер на квартиру?.. Документы семьи?.. Ваши другие документы?.. – Михайлов скороговоркой закидывал блондинку вопросами, увидел её растерянность и, добавив «пару ласковых не для печати», не сдержавшись, заорал: - Документы где?!..

- Н-не знаю... Где-то здесь... - протянула она руку к «стенке».

- Да нет там ничего, - почти скучающим голосом сказал Славка, и одновременно, как-то уж очень легко, почти галантно перехватил руку. Осмотрел, как говорят медики, пальпацией её тонкие пальцы и узкую ладонь. Потом другую. Для сравнения. Медленно поднял взгляд на Вадима, и чуть прищурившись, ухмыльнулся одними уголками губ. Он понял его.

И уже явно издеваясь, Лекарев спросил блондинку: - Сударыня случайно не с отбойным молотком работает? – и, не ожидая ответа, видя её побелевшее лицо, уже серьёзно задал вопрос: - Откуда такие..? - добавив что-то по-латыни.

- Документы или фотографии?.. Нашли что-нибудь? – крикнул казакам в другую комнату Вадим. Ответ был коротким: - Да нет тут ничего!

- Правда, странно? – с улыбкой спросил женщину. - Вы, вроде, здесь живёте... уже много лет, а в квартире ни одной фотографии, и никаких других документов – ни Ваших личных, ни семьи...

Вместе с пробежавшим отблеском паники в глазах её возник напряженный мыслительный процесс. Поняли: попали в точку – она усиленно искала хоть какую-нибудь «отмазку». От этого бесполезного дела её вновь отвлек Лекарев. Он вынул из кармана листик бумаги, на котором он в «Тигине» делал себе пометки, прочитал имя-отчество истинной хозяйки квартиры, и спросил:

- Кстати, как её фамилия? Кем она Вам приходится? – Заметив, что эти вопросы моментально озадачили блондинку, спокойно, но с наигранной укоризной сказал: - Ну, как же так? Она с дочерью ещё недавно жила здесь... Выходит, что вместе с Вами? ...И не знаете?

Женщина стояла ни жива-ни мертва, обхватив руками свои локти. И тут сквозь царящий от обыска в квартире шум – шуршание, какой-то стук, бряканье и отрывистые фразы, услышали возбужденно-радостный возглас. Из другой комнаты гурьбой вваливаются улыбающиеся казаки с ... винтовкой!!!

- За нижней планкой шкафа была... – покосившись на «блонди», хмуро сказал Костя.

С интересом взглянули на неё. Винтовка спортивная. Для профессионалов. Вряд ли кто из казаков воочию видел такую раньше. Мощный приклад заедино с пистолетной рукояткой и массивным цевьем из светлого дерева, мушка – глубокий диоптрический прицел. У затвора – рамка, а на ней на проволочном каркасе установлен мешочек, видимо, для выбрасываемых гильз. И калибр у винтовки – 7,62 ...под автоматный патрон.

Чувствуя одновременно и некую радость – нашли! – и как постепенно где-то глубоко внутри закипает клокочущая ненависть, Михайлов, протянув ставший уже не очень нужным паспорт женщины стоящему рядом Косте, не скрывая зла и раздражения, спросил её:

- Твоя? Что, спортом занималась? «Бегущий кабан», стендовая, биатлон?..

- Да... - с опущенной головой тихо ответила «блонди».

- Ха! Биатлон!.. – поняв по-своему, хмыкнул Славка. - Это бронебойно-зажигательными-то?.. – на ладони у него лежали две пачки патронов с характерной цветовой маркировкой на пулях. - И где же ты, голуба, снег-то в Молдавии находишь? И ещё вопрос: откуда такой плохо скрываемый акцент? Литва?.. Латвия?.. Что, с-сука, на заработки приехала?! – последнее он выкрикнул ей буквально в лицо.

Было видно, что блондинке поплохело, казалось, что сейчас вот-вот грохнется в обморок. Славка не очень сильно шлёпнул её по щекам – встрепенулась! – и тут же, взяв за плечи, резко и коротко дёрнул в стороны её лёгкий халатик. По глазам нестерпимо ударило идеальной фигурой женского тела, перечеркнутого узкой полоской черного бюстгальтера. Персиковая кожа, совершенство ног... Но какая может быть тут эротика? – не до созерцания. Сейчас казаков интересовало иное – все пристально посмотрели на плечи. Так и есть – на правом кожа отличалась... – характерно для отдачи.

И тут услышали голос Кости, до этого молча рассматривавшего паспорт:

– Как же грубо сработано – «липа» голимая! Смотри, «Фил», – он протянул раскрытый паспорт. – Я почти в это же время паспорт менял. А тогда другая их серия шла... И по прописке тут ещё... Как её смогли прописать в этом доме, если наше СМУ его только через полгода сдало? Я же электрику здесь вёл...

Костя, с винтовкой в руке, хрипло и как-то зловеще спросил, стараясь заглянуть ей в глаза:

- Спортсменка, значит? «Белые колготки»?..

- Всё, девонька, пора тебе их снимать – не твой это размерчик. Пошли...

И тут «блонди» с высокой ноты визга враз прорвало неужённой истерикой! Она ведь поняла – куда, и что там... Знала, что расстрел на месте был бы для неё благом – лучшим из всего...

Рассказывали, что не так давно хлопцам группы Гуравского где-то на Комсомольской попалась-таки одна такая. Быть может, именно она и была той самой, на ком смерти наших казаков. Не успела она «слинять» - «словила» пулю в шею. Терять ей было уже нечего – ещё и избитая до полуфарша казаками, обозленными смертью друзей, она хрипела кровавой пеной, но всё же нашла силы презрительно и гордо, на американский манер, выкинуть вперёд средний палец – «фак» вам!.. Зря она это сделала – разорвали «колготки» похлеще, нежели Тузик грелку – вбили ей в... ну, вобщем... туда... гранату-РГДшку, и чеку выдернули...

...Рёв, мольба и вопли неслись на весь дом, звенели в ушах, пока держа за руки, «блонди» не вели, а буквально тащили вниз – обмякнув, она шла, как на ватных ногах. Выйдя из подъезда во двор, истерика лишь усилилась, оглашая всю округу.

Услышав вдруг: «...У меня же дети!», Костя, молча шедший впереди с винтовкой, резко развернулся, со звериным бешенством в глазах гаркнул ей в лицо: «А у нас кто?!» и, быстро размахнувшись – от неожиданности казаки аж шарахнулись в стороны! – молниеносно и с ужасающей силой нанёс сверху удар по голове прикладом её же винтовки!

Всё – «штопать» бесполезно...

А. Крылов. «Сучка» (из цикла «Днестр – окровавленный берег»). *WWW.ArtOfWar.RU*.

«Снайперши-биатлонистки из Прибалтики стреляли в нас не только в Приднестровье, где мы впервые узнали о спецподразделении «Белые колготки», но и в Абхазии, где они воевали на стороне Шеварнадзе в карательном легионе «Мхедриони» бандита Жабы Иоселиани. Видели их потом и в Боснии – в составе мусульманско-хорватских подразделений «борцов Армии БиХ», а совсем, говорят, недавно – и в Косове, среди наёмников албанской «УЧК». Они, играючи, били из своих СВД-шек русских мальчишек на улицах Грозного, Шали, Аргуна и Гудермеса – во время первой, проигранной нами войны с Джохаром Дудаевым, имя которого носят площадь и лицей в столице Эстонии – Таллине...»